

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
_____ И.В. Евсеева
« _____ » _____ 2021 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ В РАЗНЫХ СФЕРАХ РЕЧИ (НА
МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ И ПИСЕМ В.П. АСТАФЬЕВА)**

45.04.01 Филология

45.04.01.01 Русский язык

Магистрант

М.Н. Храмцова

Научный руководитель

д-р филол. наук, проф.
И.В. Башкова

Нормоконтролер

Н.С. Севруженко

Красноярск 2021

АННОТАЦИЯ

Тема диссертационного исследования – «Вербально-семантический уровень языковой личности писателя (на материале прозы и писем В.П. Астафьева)». Магистерская диссертация представлена в объеме 114 страниц, включает в себя 12 таблиц, 1 приложение, а также список использованной литературы, состоящий из 74 источников.

Ключевые слова: В.П. АСТАФЬЕВ, ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ, СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ, АБСТРАКТНЫЕ НОМИНАЦИИ, ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА.

Цель: рассмотреть фрагмент вербально-семантического уровня языковой личности В.П. Астафьева сквозь призму семантики абстрактных существительных, входящих в лексический класс «Связи. Отношения. Зависимость. Модальность. Ценность».

Задачи: 1) определить основные подходы к изучению языковой личности в современных лингвистических исследованиях; 2) отобрать корпус номинаций и систематизировать его применительно к теме исследования; 3) проанализировать употребление абстрактных существительных, составляющих лексический класс «Связи. Отношения. Зависимость. Модальность. Ценность», в письмах В.П. Астафьева и его повести «Последний поклон»; 4) описать различные лингвокультурные и индивидуально-авторские смыслы, реализуемые указанными абстрактными существительными; 5) на основе анализа тем в контекстах с абстрактными номинациями из писем В.П. Астафьева и его книги «Последний поклон» определить факторы, повлиявшие на формирование его мировидения.

Актуальность темы определяется необходимостью дальнейшего исследования проблемы «язык и личность», а также системного изучения вербально-семантического уровня ЯЛ – основного объекта русской семантической персонологии.

Основные выводы и результаты исследования:

1. Особенности ЯЛ писателя представляют собой отражение личности автора, состоящей из психического, социального и этического компонентов, преломленных через его язык и дискурс его текстов.

2. В сопоставимых по объему текстах количество абстрактных номинаций, входящих в лексический класс «Связи. Отношения. Зависимость. Модальность. Ценность», следующее: в письмах – 325 единиц, в прозе – 454 единицы. Только в подклассе «Связи. Отношения. Зависимость» в прозе абстрактные номинации более частотны, чем в письмах.

3. Анализ абстрактных номинаций позволяет сделать следующие выводы об особенностях вербально-семантического уровня языковой личности писателя а) в текстах писем и «Последнего поклона» преобладает отрицательная оценка описываемых событий и критическое отношение к происходящему; б) для идиостиля В.П. Астафьева характерна ирония, переворачивание смысла слов, выражающих положительную оценку или относящихся к высокому стилю; в) для ЯЛ В.П. Астафьева характерно использование паремий, включающих абстрактные номинации.

4. Мировидение писателя обусловлено факторами деревенского и детдомовского воспитания, влиянием русской классической литературы, участием в Великой Отечественной войне, а также фактором временного контекста и социального окружения.

Перспектива исследования видится в сопоставлении семантики абстрактных номинаций в текстах В.П. Астафьева и других русских писателей, а также в составлении словаря абстрактной лексики в произведениях В.П. Астафьева.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ.....	7
1.1.Аспекты изучения языковой личности	8
1.2. Особенности изучения языковой личности писателя	11
1.3. Семантическая персонология как важное направление современной лингвистики	16
1.4. Семантика абстрактных номинаций.....	20
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	24
ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АБСТРАКТНЫХ НОМИНАЦИЙ В ТЕКСТАХ В.П. АСТАФЬЕВА	25
2.1. Подкласс «Связи. Отношения. Зависимость».....	30
2.1.1. Семантика лексем <i>цель</i> и <i>причина</i> в текстах В.П. Астафьева	38
2.2. Подкласс «Модальность»	50
2.2.1. Семантика лексем <i>правда</i> и <i>истина</i> в текстах В.П. Астафьева.....	62
2.3. Подкласс «Ценностность, ее критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда»	74
2.3.1. Семантика лексем <i>добро</i> и <i>зло</i> в текстах В.П. Астафьева.....	84
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	95
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	99
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	101
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	110
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Абстрактные номинации в текстах В.П. Астафьева	111

ВВЕДЕНИЕ

Идея антропоцентричности языка является ключевой в современной лингвистике. Антропоцентрическая парадигма – ведущая в языкоznании и состоит из многих дисциплин, которые изучают язык через представления о человеке, его мировоззрении. Одна из них – теория языковой личности (ЯЛ). Развитие этой дисциплины связано с повышением интереса исследователей к проблеме взаимосвязи языка человека и его мышления.

Семантические особенности языковых единиц важны в работах, посвященных теории языковой личности, так как изучение ЯЛ с лексикологической, морфологической и синтаксической точек зрения не исключает анализ в первую очередь семантических единиц текста. Семантический аспект важен при изучении всех уровней ЯЛ и прежде всего – вербально-семантического, поэтому лингвоперсонология тесно взаимодействует с лингвистической семантикой. Вследствие такого взаимодействия в лингвистической науке XXI века появилось отдельное научное направление – семантическая персонология.

Следовательно, **актуальность темы диссертационного исследования** определяется его включенностью в антропоцентрическую парадигму современной лингвистики и необходимостью развития теории семантической персонологии, которая располагает эффективными, верифицируемыми методами анализа того, как индивидуально-авторские представления о мире отражаются в языке текстов, созданных ЯЛ. Также актуальность нашей работы связана с выбором объекта описания – языковой личности В.П. Астафьева – выдающегося советского и российского писателя.

В работе важным понятием является вербально-семантический уровень ЯЛ. Определение данного термина мы взяли из работы И.В. Башковой: это «особым образом организованная совокупность языковых и речевых единиц: морфем, слов, лексико-семантических вариантов, лексем, синтаксем,

словосочетаний, предложений, высказываний. Отличительная особенность единиц этого уровня в том, что все они являются знаками – обладают формой и значением» [Башкова, 2019: 7].

Теоретической базой магистерской диссертации служат работы в области лингвистической семантики и лингвоперсонологии таких исследователей, как Н.Д. Арутюнова, И.В. Башкова, Г.И. Богин, С.С. Гусеева, Ю.Н. Караулов, А.С. Малахов, О.Б. Сиротинина, Е.С. Скобликова, Ю.А. Чумакова и др.

Основой для практической части исследования является описание лексического класса «Связи. Отношения. Зависимости. Модальность. Ценностность» в третьем томе «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой.

Объект исследования – фрагмент вербально-семантического уровня ЯЛ В.П. Астафьева.

Предмет исследования – семантика абстрактных существительных в письмах В.П. Астафьева и в его книге «Последний поклон».

Цель исследования – рассмотреть фрагмент вербально-семантического уровня языковой личности В.П. Астафьева сквозь призму семантики абстрактных существительных, входящих в лексический класс «Связи. Отношения. Зависимость. Модальность. Ценностность».

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. Определить основные подходы к изучению языковой личности в современных лингвистических исследованиях.
2. Отобрать корпус номинаций и систематизировать его применительно к теме исследования.
3. Проанализировать употребление абстрактных существительных, составляющих лексический класс «Связи. Отношения. Зависимость.

Модальность. Ценность», в письмах В.П. Астафьева и его повести «Последний поклон».

4. Описать различные лингвокультурные и индивидуально-авторские смыслы, реализуемые указанными абстрактными существительными.

5. На основе анализа тем в контекстах с абстрактными номинациями из писем В.П. Астафьева и его книги «Последний поклон» определить факторы, повлиявшие на формирование его мировидения.

Основные методы исследования, используемые в работе: методы семантического, кванитативного и сопоставительного анализа, биографический метод, а также метод условно-эталонного кванитативного семантического анализа.

Теоретическое значение исследования связано с его вкладом в лингвоперсонологию и лингвокультурологию.

Практическая значимость выпускной работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в курсах по лингвистической персонологии, лингвистическому анализу текста, литературоведческому анализу текста, русской литературе XX века, лексикологии и для исследований по актуальным проблемам лингвокультурологии.

Структура исследования. Диссертационная работа включает в себя введение, две главы, заключение, список литературы и приложение.

В первой главе рассматриваются теоретико-методологические основы исследования: выделяются основные аспекты изучения понятия «языковая личность писателя» и направления «семантическая персонология», выявляются основные семантические особенности абстрактных номинаций.

Во второй главе на основе «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой проводится семантический анализ абстрактных существительных, входящих в лексический класс «Связи. Отношения.

Зависимости. Модальность. Ценность» в письмах В.П. Астафьева и его повести «Последний поклон».

В заключении подводятся основные итоги работы и намечаются дальнейшие перспективы исследования.

Приложение содержит таблицу «Абстрактные номинации в текстах В.П. Астафьева».

Апробация работы. Основные положения и результаты работы были изложены в статье, опубликованной в журнале *Siberia_Lingua* 2020, вып. №2.

ГЛАВА 1. АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В первой главе мы рассматриваем основные элементы семантической персонологии, анализируем такие понятия, как «языковая личность», «образ автора», «идиостиль», а также обращаем внимание на семантику абстрактных номинаций.

На данном этапе развития теории языковой личность неизвестно, кто первым употребил термин «языковая личность». Некоторые исследователи считают автором Й.Л. Вайсгербера, а другие В.В. Виноградова. Важно отметить, что в русской лингвистике активное использование термина началось в работе В.В. Виноградова «О художественной прозе» (1930), где языковая личность понимается как «образ автора» и художественный образ «говорящего» персонажа [Виноградов, 1959].

Концептуальное переосмысление данного термина произошло в конце XX в., когда Г.И. Богин разработал уровневую модель обобщенного типа языковой личности, абстрагированного «не только от индивидуальных различий людей, но и от различия известных им языков» [Богин, 1984: 3]. Главная цель данной модели – обучение родному и неродному языку.

В 1997 году термин «языковая личность» был включен в переизданную энциклопедию «Русский язык» под редакцией Ю.Н. Караулова. Там отмечается, что языковой личностью может стать любой носитель языка как автор языковых текстов, имеющий свой характер, интересы, социальные, психологические и языковые предпочтения и установки [Башкова, 2019: 24].

«Понятие “языковая личность” предполагает такой способ представления языка, в котором находят отражение не только свойства и законы языкового строя, но и отпечатленные в языке знания о мире, высокие человеческие ценности, равно как и низшие проявления человеческого духа» [Караулов, 2007: 286]

Индивидуальность языка и речи писателя и другие особенности изучения понятия «языковая личность» мы рассмотрим далее.

1.1. Особенности изучения языковой личности писателя

Многоаспектность определения «языковая личность писателя» рассматривается в соотношении понятий «автор», «образ автора» и «языковая личность писателя.»

Автор вступает в коммуникацию с адресатом и осуществляет авторскую нужду в общении, образ автора, присутствуя в каждом художественном произведении, демонстрирует представление о конкретной пишущей личности. По словам Ю.Н. Карапулова, «сокровенная тайна воздействия художественных образов на писателя как раз и состоит в восприятии их как лиц вполне реальных, как лиц, взятых прямо из жизни» [Караулов, 1987: 30]. Из сказанного можно сделать заключение, что язык, на котором написан текст, и автор этого текста представляют собой «языковую личность писателя.

Рассмотрим подробно некоторые определения, важные для дальнейшего анализа.

В понимании В.В. Виноградова, «образ автора» – «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идеино-стилистическим средоточием, фокусом целого» [Виноградов, 1971: 118].

Образ автора следует рассматривать через призму стилистики, структуры и идеологии художественного произведения. Автор является центром и двигателем текста: «именно его ценности, его мотивы и цели, с одной стороны, вербальный и информационный тезаурус, с другой стороны,

семиотическое (создание образа), стилистическое и композиционное умение – с третьей, являются движущей силой создания художественного литературного произведения как семиотической, эстетической и идеологической системы» [Копытов, 2010: 11].

Важно заметить, что автор анализируется нами не как конкретная языковая личность, а как множество личностей данной эпохи. Тогда нам следует анализировать не индивидуальный язык, а язык определенного времени. Индивидуальный языковой колорит определяется особенностями действительности, в которой живет автор, а также темами его произведений и определенными чертами персонажей. Однако «тезаурус личности, как способ организации знаний о мире, имеет явно выраженную тенденцию к стандартизации его структуры, к выравниванию ее у разных членов говорящего на одном языке коллектива, при одновременном произволе в способах ее субъектизации, индивидуального присвоения» [Караулов, 1987: 172].

Для последующего анализа ЯЛ писателя необходимо выявить некоторые ее особенности: во-первых, ЯЛ писателя индивидуальна, здесь для нас важно понятие «идиостиль». Он отражает в текстах автора систему содержательных (экспрессивных, эстетических, национальных и т.д.) и формальных лингвистических характеристик. Идиостиль тесно взаимосвязан с личностным почерком автора: с теми стилевыми особенностями, которые отличают труд автора от других авторов. Во-вторых, ЯЛ писателя существует не в закрытом пространстве, а в совокупности с миром и тем, что происходит внутри него. Она располагается в рамках национальной картины мира и реализует индивидуальные черты автора на общем мировоззренческом фоне. Автору, в процессе создания произведения, важно запечатлеть актуальное для него фактическое содержание и личностный смысл.

В современной лингвистике понятие идиостиля соотносится с понятием идиолекта. Рассмотрим эти понятия подробнее.

Идиостиль в нашей работе мы понимаем «как совокупность языковых выразительных средств автора» [Новиков, 1990: 56].

Анализ понятия «идиостиль» рассматривается с разных сторон. Такие исследователи, как Н.А. Фадеева [Фадеева, 2013], Н. А. Николина [Николина, 2003] определяют идиостиль как форму словесного и композиционного выражения.

В некоторых научных работах основа идиостиля – жанрово-тематическая парадигма творчества, тезаурусный уровень ЯЛ (по модели Ю.Н. Караулова), эмотивная структура текста.

А.В. Болотнов в своей работе рассматривает идиостиль «как сложный, многослойный вербальный феномен, который сочетает в себе: культурно - речевой, коммуникативный, когнитивный стили» [Болотнов, 2016: 23].

Поэтому мы можем утверждать, что идиостиль – многоаспектное понятие. Особая сложность заключается в том, что иногда термины «идиостиль» и «идиолект» считают синонимами. Но чаще всего их разграничивают по функционально-стилевой маркированности: «идиостиль связывают с художественной литературой; по категории предпочтительности, по целевой установке автора; по принадлежности к языку (идиолект) или речи (идиостиль); по отношению к лингвистическому и когнитивному». [Корниенко, 2019: 267].

В нашем исследовании мы понимает идиолект как совокупность текстов, созданных автором, в хронологической последовательности.

Идиолект и идиостиль являются основными характеристиками для понимания языка автора. Ведь анализ языковой личности автора происходит через реализацию идиолектных и идиостелевых особенностей писателя. Мы

можем определить авторскую языковую личность как представление личности писателя через призму его психических, социальных и этических особенностей в связи с языком и дискурсом его текстов.

Например, в работе Н. Н. Меньковой «Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей» проводится анализ структуры языковой личности, раскрывающей характер художественного образа, «феномен Акунина» [Менькова, 2004: 3]. Интересно, что ЯЛ Б. Акунина рассматривается через ЯЛ его персонажей. Автор пишет диалоги для них таким образом, чтобы читатель понял ЯЛ персонажей: «Характер языковой личности показывал человека, мы могли узнать о его социальном положении, об уровне его образованности, национальности, родным ли является для героя язык или не родным» [Менькова, 2004: 7].

В нашей работе мы уже не раз упоминали термин «языковая личность». Он рассматривается как система характеристик человека, которая приводит его к созданию и восприятию речевых произведений.

А «языковая личность писателя» – вид представления личности автора, который содержит психический, социальный, этические компоненты, преломленные через язык, дискурс его текстов.

В следующих параграфах мы рассмотрим важный для нашего исследования аспект – особенности систематизации семантики языковых единиц, которые позволяют проанализировать смысловую структуру текста, а также установить концептуальные и лингвостилистические закономерности авторского идиостиля.

1.2. Филологические исследования языковой личности В.П. Астафьева

В современной лингвистике анализируются особенности разных типов языковой личности, в том числе и личности писателей. Язык автора очень

важен для понимания его текста и познания личности писателя. В контексте антропоцентрического подхода к языковым явлениям важно отметить, что черты ЯЛ писателя определяют язык и стиль его произведений: выбор как грамматических конструкций, так и лексики.

В диссертации мы рассматриваем ЯЛ В.П. Астафьева – писателя-деревенщика, родившегося в начале 20 века и прожившего долгую и сложную жизнь. Творчество автора важно для понимания эпохи XX–XXI веков: ведь все общечеловеческие проблемы общества рассматриваются в его произведениях.

Лингвисты и литературоведы в той или иной мере исследовали все относящиеся к разным жанрам тексты В.П. Астафьева: письма, художественные произведения, публицистику и т.д.

В работе О.А. Нестеровой «К инструментализации исследования языковой личности: методика психолингвистического анализа» эмпирическим материалом исследования послужили видеозаписи его интервью. ЯЛ автора анализируется по методике психолингвистического анализа [Нестерова, 2015: 124]. Методика основана на выявлении и анализе мотивационных ориентиров в речи человека. Важным и вневременным мотивационным ориентиром для Астафьева являются «война», «милосердие» и «сознательность».

Активно изучаются различные концепты в языковой картине мира В.П. Астафьева. Следует отметить, что концепт очень важен для интерпретации произведения. Чаще всего в отношении к художественным произведениям используют термин «художественный концепт». Он понимается как «вербализованная в художественном произведении ценностно значимая ментальная единица индивидуально-авторской картины мира» [Макарова, 2017: 84]. Такие концепты синтезируют в себе черты ЯЛ писателя и определенную авторскую концептосферу.

Например, в диссертации А.А. Осиповой рассматривается концепт «Смерть». В результате исследования устанавливается, что этот концепт является важным в произведениях автора: «в рассказах 1980-х гг. тема смерти почти везде является сопутствующей основному повествованию, в произведениях о войне 1990-х гг. она становится основной, довлеющей» [Осипова, 2005: 10].

В статье Е.А. Макаровой анализируется концепт-антоним «Жизнь». Он воспринимается в ЯКМ как один из основных ценностных ориентиров.

Е.А. Макарова рассматривает 2 особенности концепта «Жизнь» в творчестве автора.

1. Жизнь и смерть взаимосвязанные понятия: чтобы продолжать жить, тебе нужно убить кого-то. Эта позиция связана с военной тематикой: «Хочешь жить – убей немца!»

2. Также жизнь рассматривается как что-то положительное: радость и наслаждение [Макарова, 2017: 89].

Отметим, что концепты «Жизнь» и «Смерть» находятся в постоянном внимании исследователей [Осипова, 2005, 2015; Фельде, 2009; Гладких, Осипова, 2011, 2014; Макарова, 2017].

Важным концептом в ЯКМ Астафьева также является «Война». В 1942 году В.П. Астафьев отправляется на фронт добровольцем. Военные годы – самое тяжелое время для писателя. В течение долгого времени ему было больно вспоминать и писать о Великой Отечественной войне. Все страшные потрясения юного Виктора Петровича отразились в его романе «Прокляты и убиты».

В статье «Сравнительные конструкции как средство создания языковой игры в романе В. П. Астафьева "Прокляты и убиты" (к особенностям вербализации концепта "война")» рассматриваются отличительные черты

романа, в котором автор пишет о войне как о всеобщей смерти для достижения одной цели – «низвергнуть те лживые представления о Великой Отечественной войне, которые были навязаны советской пропагандой» [Осипова, 2012: 212]. Для того чтобы экспрессивнее отразить боль того времени, Астафьев использует устойчивые и свободные сравнительные конструкции. Осипова отмечает, что они помогают автору максимально экспрессивно и разносторонне отобразить события или характеристику чего-либо.

Еще одним важным концептом в творчестве автора выделяют «Любовь». Для Астафьева любовь в первую очередь связана с духовной близостью, стремлением достичь родства душ. И.В. Ревенко в статье «Интенсивные единицы как средство вербализации концепта "Любовь" в военной прозе В. П. Астафьева» отмечает, что «война меняет человека, заставляет его переосмыслить свою жизнь, поступки, изменить отношение ко многим вещам. Меняет она и отношение к близости с женщиной. Женщина становится земным существом, достойным поклонения...» [Ревенко, 2008: 108].

В работе М.Р. Желтухиной и О.А. Михайлушкина анализируется концепт «Путь» в повести «Так хочется жить» [Желтухина, Михайлушкина, 2016]. Данный концепт рассматривается в военной тематике, главный герой Коляша Хахалин отправляется на фронт. Авторы статьи отмечают, что Астафьев разделяет жизненный путь героя на композиционном уровне: «повесть состоит из трех частей, имеющих отдельные названия (первая часть – “Дорога на фронт”, вторая – “Дорога с фронта”, третья – “Лунный блик”)» [Желтухина, Михайлушкина, 2016: 178].

Большой вклад в исследовании концептов произведений В.П. Астафьева внесла А.А. Осипова, которая также занимается словарем концептосферы В.П. Астафьева. В статье «Принципы создания словаря

концептосферы В.П. Астафьева» она рассуждает о структуре словаря, его главных задачах, об источниках исследования и т.п. [Осипова, 2009].

Подробно рассматривается семантика слов в дискурсе В.П. Астафьева в работах И.В. Башковой [Башкова, 2014 а, б, в, г, д, е, ж]. Рассмотрим некоторые из них.

В статье «Слова *большевик* и *коммунист* в дискурсе В.П. Астафьева» анализируется семантика слов *большевик* и *коммунист*. Данные лексемы несут в себе отрицательные коннотации. В ЯКМ Астафьева большевики и коммунисты – «это безнравственные люди, не верящие в Бога, уничтожающие свой народ» [Башкова, 2014e: 4].

Тема крестьянства – одна из важнейших тем в творчестве писателя. В своей работе И.В. Башкова рассматривает семантику идиоглоссы «крестьянин» в дискурсе В.П. Астафьева. В ходе исследования было выявлено, что в семантике лексемы *крестьянин* отразились основные особенность мировоззрения автора. Виктор Петрович сожалеет о том, что крестьянский уклад жизни, формировавшийся в течение долгих столетий, уходит в небытие, что вместе с сельской жизнью разрушаются и утрачиваются нравственные ценности, присущие крестьянскому быту [Башкова, 2014a: 4].

Во всех вышеназванных работах основным принципом интерпретации ЯКМ писателя является исследование семантики слов: *смерть*, *жизнь*, *любовь*, *путь*, *большевик*, *коммунист*, *крестьянин*. Эти лексемы отражают личностные характеристики автора. Проанализировав семантику, мы можем рассмотреть, как отражаются особенности ЯКМ писателя в его произведениях. Лексика предоставляет автору максимальную возможность выбора, поэтому наиболее ярко индивидуальность личности проявляется в идиолексиконе, отчего в большинстве лингвистических работ, в которых рассматривается ЯЛ писателя в первую очередь анализируются

семантические особенности стиля автора. Все это создает предпосылки для формирования нового направления в лингвоперсонологии – семантической персонологии.

1.3. Семантическая персонология как важное направление современной лингвистики

Мы уже говорили о предпосылках формирования нового направления – семантической персонологии. В этом разделе диссертации рассмотрим ее основные особенности, в большой степени ориентируясь на работу И.В. Башковой «Теоретические основания русской семантической персонологии: объект и метод».

Семантическая персонология образуется на основе слияния лингвоперсонологии и семантики и постепенно приобретает самостоятельное значение. В настоящее время трудно найти лингвоперсонологическую работу, в которой бы исследователь не рассматривал семантические вопросы. Тем более что занимающиеся ей ученые «понимают ее предмет по-разному» [Кобозева, 2000:13].

В 1997 году Ю.Н. Караулов представил теорию языковой личности. В работе «Русский язык и языковая личность» Караулов описал уровневую модель ЯЛ, разграничивая три аспекта семиотики: синтаксику, семантику и прагматику:

1. «Вербально-грамматический уровень. К нему относятся единицы, традиционно используемые при описании лексического и грамматического строя языка: слово, морфема, словоформа, дериват, синоним, словосочетание, синтаксема, управление, согласование и т. д.

2. Когнитивный уровень. Он предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса. Его единицами выступают: денотат,

сигнификат, экстенсионал и интенсионал, понятие, фрейм, генерализованное высказывание (т. е. афоризм, сентенция, поговорка и т. п.), фразеологизм, метафора, наглядный образ, каламбур и др.

3. Прагматический уровень отражает интенции и цели носителя, его активную позицию в мире и динамику его картины мира. В состав единиц этого уровня включаются пресуппозиция, дейксис, элементы рефлексии, оценка, “ключевые слова”, прецедентные тексты, способы аргументации, “сценарии”, планы и программа действия» [Караулов, 1997: 672].

Рассмотренная модель изучения ЯЛ Ю.Н. Караулова показывает нам, что объектом исследования семантической лингвоперсонологии является вербально-семантический уровень ЯЛ. Именно этот уровень ярко отражает индивидуальные черты личности.

Через анализ семантики лексических единиц выявляются ценностные установки автора, что важно для понимания его произведений. Поэтому этой проблемой занимаются не только в лингвистике, но и в литературоведении. Например, М.М. Бахтин в работе «Слово в романе» вводит понятие идиологемы [Бахтин, 1975: 146]. Идиологема – слово или слова, представляющие особое мировоззрение и мировосприятие личности, которые формируют идиостиль автора.

Чаще всего в исследования ЯЛ автора анализ происходит через понятие «идиостиль». Оно содержит в себе индивидуальную картину мира автора. Особенности авторского мировоззрения мы рассматриваем на всех структурных и языковых уровнях текста, ведь именно они являются наиболее активными в процессе анализа языковой картины мира.

Для того чтобы реконструировать ЯКМ писателя, прежде всего нужно изучить его индивидуальную языковую систему, ключом к которой является вербально-семантический уровень языка писателя, поэтому с направлением

семантической персонологии связаны работы, в которых проводится исследование семантики словаря писателей.

Значение слова разные ученые анализируют по-разному. Это может быть семантика номинаций лиц с аксиологической точки зрения, как в работе А.Н. Мифтаховой и Т.И. Галеева «Оценочные наименования лица женского пола в “Женской прозе”» [Мифтахова, Галеев, 2017]. Авторы рассматривают семантику наименований лиц женского пола и через этот анализ выявляют подход к определению гендерного стереотипа в женской прозе.

В статье З.Р. Хачмафовой «Лексико-тематическая группа “Чувство” в лексиконе современной женской прозы» применяется метод лингвосоционического моделирования для анализа лексикона индивидуальной ЯЛ [Хачмафова: 2008].

В антропоцентрической мегапарадигме большое внимание уделяется концептам, которые являются элементами концептосферы русской языковой культуры и моделируют языковое сознание индивида, лингвокультурной группы и нации в целом. Изучение концепта предполагает обращение к анализу разных уровней языка, но приоритетным признается лексико-фразеологический уровень [Ангелова, 2004: 3].

С семантической персонологией связаны работы, в которых рассматриваются концепты в творчестве какого-либо автора. Через восприятие семантики слова исследователь может изучить идиостиль автора и выявить его языковую картину мира.

В работе В.В. Колесниковой «Художественный концепт “Душа” и его языковая презентация» предметом исследования являются функционально-семантические особенности концепта «Душа» [Колесникова, 2008]. В ходе исследования была выявлена когнитивная модель данного концепта в творчестве Б. Пастернака, что позволило представить фрагмент концептуальной картины мира писателя.

В некоторых работах исследуются концепты русского языкового сознания на материале творчества одного писателя. Через призму восприятия писателя рассматривают языковое сознание целого народа. Например, М.Ю. Никитина в статье «Концепт “Милосердие” в русском языковом сознании и в идиостиле писателя» анализирует эволюцию концепта «Милосердие» в творчестве А. С. Пушкина, как русского национального писателя [Никитина: 2012].

Как мы уже говорили основной объект исследования семантической персонологии – вербально-семантический уровень ЯЛ. Отметим, что в круг ее задач входит:

1. «определение персоноспецифичности значения,
2. толкование идеологем и идиоглосс, входящих в тексты ЯЛ,
3. выявление системных связей между единицами идиолексикона» [Башкова, 2019: 81].

В нашей работе семантика слова анализируется через художественные и эпистолярные тексты, так как «художественное значение слова в принципе всегда индивидуально, лично, так как в полной мере оно может быть раскрыто только в пределах художественного произведения, которое всегда уникально» [Поцепня, 1997: 86–87].

Для решения задач семантической персонологии, о которых мы говорили ранее, в работе мы будем использовать предложенную И.В. Башковой авторскую методику условно-эталонного квантитативного семантического анализа, которая может быть представлена в виде следующего алгоритма:

- 1) «вычленение всей лексики определенного семантического класса из текстов, созданных ЯЛ;

- 2) распределение этой лексики по лексико-семантическим рядам (ЛСР) в соответствии с «Русским семантическим словарем»;
- 3) определение наполненности ЛСР в текстах ЯЛ и в «Русском семантическом словаре» (РСС);
- 4) определение процентного соотношения наполненности ЛСР в текстах ЯЛ и в РСС;
- 5) выявление доминантных ЛСР в текстах ЯЛ и РСС и установление соотношений между ними» [Башкова, 2019: 14].

Таким образом, семантическая персонология изучает вербально-семантический уровень ЯЛ. Данное направление представлено в работах по анализу языковой личности через исследование семантики языковых единиц, изучение и моделирование концептов. В этих работах семантическая персонология рассматривает идиолексикон и ЯКМ автора, в некоторых случаях через семантический анализ текстов одного писателя выявляется ЯКМ целого народа.

1.4. Семантика абстрактных номинаций

Природа абстрактного (отвлеченного) имени существительного отличается от конкретного имени, а именно происходит полное вытеснение представления о реальном предмете. Абстрактные номинации заключают в своих значениях результат духовного и интеллектуального опыта носителя языка, мыслительной деятельности, направленной на обобщение знаний об окружающем мире. Абстрактные имена существительные являются именами самых высоких категорий в системе русского языка. По мнению Е. С. Кубряковой, «абстрактные имена свидетельствуют о том, что мысль человека преодолевает границы физического и что в каком-то смысле новые реальности мысли творятся языком» [Кубрякова, 2012: 148].

Абстрактное слово представляет неразрывную связь языка и мышления, поэтому комплексный семантический подход к анализу абстрактного имени представляется наиболее целесообразным и эффективным. Анализ семантики таких слов помогает нам определить представления автора о мире, о состоянии самого себя, окружающей природы и общества, об этических и моральных принципах, о духовных ценностях и вере.

В различных направлениях лингвистики наблюдается неизменный интерес к проблеме семантики абстрактных номинаций, что обусловило появление целого ряда значительных работ. Следует отметить, что работ, посвященных грамматической семантике абстрактных имен существительных, в современной лингвистике большое количество: [Виноградов, 1960, Успенский, 1979, Кацнельсон, 1986, Чернейко, 1997, Филлмор, 1999, Савельева, 2010, Буров, 2013 и др.].

Лексическую же семантику рассматривают крайне редко. Это работы А.С. Баймуратовой [Баймуратова, 2012], Р.Ю. Намитоковой [Намитокова, 2013], М.А. Пахомовой [Пахомова, 2013] и немногие др.

Самый распространенный способ систематизации языковых единиц – семантическое поле, особенно при изучении национальной и индивидуально-авторской ЯКМ. Семантическое поле определяется как лексическая категория высшего порядка и объединяет в себе более частные категории (синонимию, антонимию, гипонимию и т. д.) [Шуваева, 2007].

Главным составным компонентом лексико-семантического поля являются лексико-семантические группы слов. ЛСГ образуют слова определенной части речи. Каждая лексическая группа в системе поля существует не изолированно, а только во взаимодействии с другими группами, что позволяет говорить о наличии сложных парадигматических и иерархических отношений между всеми элементами поля.

В работе О.Г. Шуваевой «Лексико-семантическое поле “Справедливость” в русской ментальности» на материале обыденного и правового представлений о справедливости была разработана модель лексико-семантического поля «Справедливость», выявлены основные лексические элементы этого поля и содержательные компоненты данного понятия [Шуваева, 2007].

Наиболее часто внимание исследователей обращено к абстрактным существительным с суффиксом -ость. Например, в работе «Абстрактные существительные на -ость в русской поэзии XX века» А.С. Баймуратова анализирует семантику данных существительных, сопоставляя абстрактные имена существительные на -ость в русской поэзии первой и второй половины XX века [Баймуратова, 2012: 4].

Следует отметить, что поэзия XX века демонстрирует уникальные возможности для взаимосвязи языка и мышления, в частности, для анализа абстрактных лексем в связи со сменой парадигм как «господствующих в какую-либо эпоху взглядов на язык, связанных с определенным философским течением и определенным направлением в искусстве» [Степанов 1985: 4].

С.И. Кагарлыкская рассматривает абстрактные лексемы с суффиксом -ость в работе «Семантические особенность существительных на -ость, -есть в «Затесях» В.П. Астафьева».

Автор заостряет внимание на грамматической и лексической семантике абстрактных номинаций. Для такого типа работы важно отличать лексическую семантику от грамматической. По мнению И.М. Кобозевой, лексическая семантика – это «раздел семантики, в котором изучается значение слов... объектом исследования в лексической семантике является слово, рассматриваемое со стороны его означаемого» [Кобозева, 2000: 70].

Грамматическая семантика – это дисциплина, изучающая грамматическое значение слова.

С.И. Кагарлыкская отмечает, что абстрактные существительные на -ость, -есть чаще всего образуются от основ прилагательных и страдательных причастий отвлеченного качества, в аспекте грамматики приобретают признак постоянства. Однако страдательные причастия, как отмечает автор, «имеют признак изменчивости; переменные явления осмысляются как явления постоянного мира» [Кагарлыкская, 2016: 62]. Интересно, что если абстрактная номинация употребляется во множественном числе, то ее значение переходит в конкретное.

Важное место в идиостиле В.П. Астафьева занимают окказиональные слова. С.И. Кагарыльская подчеркивает, что в «Затесях» встречается пять единиц, значения которых нет в словарях (*щемливость, неуютность, поседелость, пользительность и забытость*). В.П. Астафьев употребляет эти лексемы для передачи сложных смыслов и значений, которых нет в языке.

Абстрактные имена существительные активно используются авторами художественных текстов. Они нужны не только для передачи информации, но и для выполнения эстетической функции. По мнению И.Б. Голуб, «русские писатели всегда придавали большое значение освоению отвлеченной лексики в художественной речи» [Голуб, 2010: 307].

Важность отвлеченных номинаций заключается в их способности отражения духовного мира писателя и его героев, а также в обозначении возвышенных нравственных и эстетических категорий.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В первой главе мы рассмотрели основные особенности понятия «языковая личность». Важно отметить, что уровневая модель ЯЛ отражает обобщенный тип личности, а конкретных языковых личностей, например, языковых личностей писателей, существует множество. И каждая из них имеет отличия на всех уровнях, выделяемых исследователями в модели ЯЛ.

Индивидуальность ЯЛ писателя проявляется уже на вербально-семантическом уровне, который составляют различные языковые единицы. В настоящей работе в фокус исследования попадают прежде всего лексические единицы, кроме того, значимыми оказываются некоторые семантические особенности текстов.

Через анализ семантики лексических и синтаксических единиц выявляются ценностные установки авторов, что важно для понимания их произведений. Поэтому в работах по направлению семантической персонологии проводится исследование семантики языковых единиц.

В завершение главы отметим, что понятие «абстрактные номинации» определяется нами как номинативные единицы со значением результата духовного и интеллектуального опыта носителя языка, мыслительной деятельности, направленной на обобщение знаний об окружающем мире.

ГЛАВА   2.   СЕМАНТИЧЕСКАЯ   КЛАССИФИКАЦИЯ АБСТРАКТНЫХ НОМИНАЦИЙ В ТЕКСТАХ В.П. АСТАФЬЕВА

В настоящей работе исследуется эпистолярный дневник В.П. Астафьева «Нет мне ответа...» и художественное произведение «Последний поклон.

Дневник представляет собой собрание писем автора с 1952 по 2001 годы. Собрание писем было составлено и озаглавлено издателем Геннадием Сапроновым уже после смерти автора.

Книга начинается письмами, которые написаны спустя семь лет после окончания Второй мировой войны, именно в это время эпистолярная форма приобретает особое лирическое, эмоциональное значение. Такая форма позволяет автору реализовать потребность в выражении творческого восприятия мира и формировании мировоззрения. Для него письма выполняют функцию «мастерской», в которой он бережно оттачивает свои творческие навыки.

В письмах представлены различные комментарии, связанные с рождением многих тем творчества В.П. Астафьева.

Например, 22 ноября 1965 года одному из своих постоянных адресатов А.М. Борщаговскому писатель сообщает о замысле написать небольшую повесть о войне и признается:

«А я писать о войне всякий раз боюсь. Боюсь перед памятью убитых друзей сделать что-нибудь недостойно, скучавить, а еще памяти своей боюсь. Иной раз так и думаю, что сдохну, разворочив все и заглянув в нутро войны» (Астафьев, 1965: 73).

Особенность жанра писем выражается в насыщенности фактами личной биографии писателя, его семейной жизни, а также исторических фактов, которые проходят через призму субъективного восприятия автора.

В письмах 1990-х гг. речь идет о завершении целой культурной эпохи, связанной с соцреалистической эстетикой. В письме Юрию Нагибину от 10 июня 1994 г. Астафьев пишет: «*Невосполнимые потери понес наши читатель, вред от соцреализма неискупим и непростителен. Много времени потребуется, чтобы выправить деформированное сознание нашего общества, воспитать его нормальный вкус, вернуть к книгам нашей замечательной классики*» (Астафьев, 1994: 549).

Благодаря широкому кругу адресатов В.П. Астафьев раскрывается в письмах многогранно: «*как публичный человек, как творческая личность и литератор, наделенный определенной миссией и ответственно относящийся к ней*» [Смирнова, 2019: 3].

Повесть в рассказах «Последний поклон» – автобиография автора. Сам писатель называет ее произведением всей жизни. Оно создавалось на протяжении 1957–1991 годов и претерпевало существенные структурные трансформации. Окончательная редакция повести вошла в полное собрание сочинений в пятнадцати томах, которое было издано в 1997–1998 годах.

Свою книгу «Последний поклон» В.П. Астафьев изначально воспринимал как целостное произведение. Начав с цикла рассказов о детстве («Первоначально цикл рассказов и назывался “Страницы детства” [Лотман, 1970: 379]»), Астафьев скоро изменяет масштаб повествования. Цикл рассказов начинает восприниматься им как книга: «*С появлением рассказов “Конь с розовой гривой” и “Монах в новых штанах”, я понял, что из всего этого может получиться книга. И она получилась*» [Там же: 379].

Таким образом, контекст эпохи отчетливо проявляется в письмах и прозе В.П. Астафьева, в его эпистолярном дневнике и автобиографическом произведении ярко отразилась индивидуальность самого писателя и особенности того времени.

В работе мы используем третий том «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой. Этот том носит название «Имена существительные с абстрактным значением: бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество» и содержит описание абстрактных имен существительных, группирующихся в организованные лексико-семантические множества, подмножества и ряды, которые вместе образуют лексические классы и их условные объединения:

- «Бытие. Материя. Пространство. Время»,
- «Связи, отношения. Содержание и форма. Структура. Метод»,
- «Духовный мир: сознание, мораль, чувства»,
- «Информация, речь»,
- «Вера, религия»,
- «Произведения творческой мысли: науки, учения; искусства»,
- «Общество, его жизнь, устои».

В данном словаре система абстрактных номинаций имеет иерархическую организацию, она состоит из лексических классов, далее идут подклассы и после – лексико-семантические ряды.

В диссертации для анализа мы выбрали класс «Связи. Отношения. Зависимости. Модальность. Ценностность», который наиболее полно отражает основные ценности ЯЛ писателя.

Лексический класс «Связи. Отношения. Зависимости. Модальность. Ценностность» представляет собой трехчастное множество.

Составляющие это множество три подкласса: 1) «Связи. Отношения. Зависимости»; 2) «Модальность»; 3) «Ценностность, ее критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда» объединены семантической доминантой «связанность», представляющей собой абстракцию одного из самых высоких уровней.

Сопоставительный анализ двух жанров: эпистолярного и художественного – поможет нам выявить индивидуальные черты ЯЛ В.П. Астафьева, а также всесторонне рассмотреть своеобразие лексикона ЯЛ автора.

Количественное сопоставление в таблице 1 показывает, что в художественном тексте В.П. Астафьева абстрактные номинации более разнообразны, чем в письмах, но по числу лексико-семантических рядов более разнообразны письма.

Таблица 1. Количественное сопоставление проанализированных языковых единиц

Анализируемый текст	Количество лексико-семантических рядов, включающих абстрактные номинации	Количество абстрактных номинаций (лексико-семантических вариантов, словозначений)
Последний поклон	25	454
Нет мне ответа...	27	325

Мы уже говорили о том, что особенность жанра писем выражается в эмоциональности и интимности повествования. Сравнение абстрактных номинаций (см.табл 1) в письмах и художественном тексте подтверждает нашу мысль. Действительно, абстрактные номинации важны для жанра писем, потому что в таком жанре преобладает тип повествования – рассуждение. Этот тип повествования отличается потоком мыслей, логико-смысловых предложений. Важно, что преобладает в письмах именно количество лексико-семантических рядов. В эпистолярном жанре затрагиваются многие сферы жизни автора, которые требуют разнообразных номинаций.

В таблице 2 представлены 10 наиболее наполненных лексических подмножеств в текстах писателя.

Таблица 2. Наполненность лексических подмножеств, составляющих лексический класс «Связи. Отношения. Зависимости. Модальность. Ценностность», в РСС и в текстах В. П. Астафьева

Номер подмножества в РСС	Наименование подмножества в РСС	Количество единиц, входящих в подмножество		
		В РСС	В письмах В.П. Астафьева	В произведении «Последний поклон» В.П. Астафьева
144	Условие, основание, причина	38	7	6
145	Цель	9	2	4
151	Реальность. Объективность. Истинность	14	4	3
159	Обязательность. Готовность. Действенность	21	3	8
161	Неопределенность. Неоднозначность. Проблематичность	27	3	1
162	Долженствование. Необходимость. Надобность	19	5	4
163	Собственно ценность, значимость, ее критерии	25	7	4
165	Добро. Польза. Красота	23	4	5
166	Зло. Вред. Утрата. Ущерб (21; 166)	21	1	3
169	Социальная ценность, общественная оценка	27	7	3

Проведенный анализ показал, что количество абстрактных единиц, входящих в лексические подмножества (144, 145, 151, 159, 161, 162, 163, 165, 166, 169), в художественном тексте и письмах значительно меньше, чем в словаре. Это связано с тем, что абстрактные номинации в большей мере свойственны научной сфере речи, нежели художественной. Однако для понимания любого текста, для его структурирования абстрактные существительные очень важны, поскольку в любом художественном и эпистолярном тексте содержатся элементы рассуждения, в которых чаще всего и присутствуют абстрактные номинации. Кроме того, абстрактные номинации выделяют в индивидуально-авторской языковой картине мира семантические доминанты, по которым можно судить о мировоззрении автора в целом, о наиболее значимых для него смыслах.

Далее мы рассмотрим 3 подкласса, входящих в лексико-семантический класс «Связи. Отношения. Зависимости. Модальность. Ценность».

2.1. Подкласс «Связи. Отношения. Зависимость»

Лексический подкласс «Связи. Отношения. Зависимость» содержит именования разных видов отношений, принадлежащих объективной реальности. Абстрактные номинации в данном подклассе отражают процесс человеческой мысли, которая познает мир в своем многообразии.

Лексический подкласс «Связи. Отношения. Зависимость» в РСС включает 203 лексических единицы, которые распределены по 13 подмножествам, каждое из которых имеет свое название и обозначается цифрой от 137 до 149. В проанализированных текстах В.П. Астафьева количество абстрактных номинаций из данного лексического подкласса значительно меньше. Тем не менее их исследование важно для понимания индивидуально-авторской картины мира писателя, поскольку через эти лексемы ярко проявляется авторское отношение к описываемым в тексте событиям.

Количественное сопоставление в таблице 3 показывает, что в художественном тексте В.П. Астафьева в подклассе «Связи. Отношения. Зависимость» абстрактные номинации более разнообразны, чем в письмах.

Таблица 3. Количественное сопоставление проанализированных языковых единиц подкласса «Связи. Отношения. Зависимость».

Анализируемый текст	Количество подмножеств, включающих абстрактные номинации	Количество абстрактных номинаций (лексико-семантических вариантов, словозначений)
«Последний поклон»	10	24
«Нет мне ответа...»	9	19

В большинстве случаев абстрактные номинации преобладают в эпистолярном жанре. Но в данном лексическом подклассе наблюдается обратная ситуация. Это связано с автобиографичностью «Последнего поклона», где подробно рассматриваются взаимоотношения героев и семейная тематика.

В таблице 4 представлены 10 наиболее наполненных лексических подмножеств в текстах писателя.

Таблица 4. Наполненность лексических подмножеств, составляющих лексический подкласс «Связи. Отношения. Зависимость», в РСС и в текстах В.П. Астафьева

Номер подмножества в РСС	Наименование подмножества в РСС	Количество единиц, входящих в подмножество		
		В РСС	В письмах В.П. Астафьева	В произведении «Последний поклон» В.П. Астафьева
137	Общие обозначения	11	3	2
138	Соположенность. Смежность. Причастность. Касательство	26	0	2
139	Сравнение. Близость. Сходство. Подобие	19	2	1
140	Равенство. Тождество. Идентичность. Совпадение	10	1	2
142	Противоположность. Противопоставленность. Несовместимость	18	1	2
144	Условие, основание, причина	38	7	6
145	Цель	9	2	4
146	Результат, итог, следствие	12	2	2
147	Сообразность. Соразмерность. Гармония. Пропорция	21	1	1
148	Изолированность. Автономность	13	1	2

Проведенный анализ показал, что количество единиц, входящих в лексический подкласс «Связи. Отношения. Зависимость» в художественном тексте больше, чем в письмах.

Было выявлено, что в текстах В.П. Астафьева в данный подкласс входят следующие единицы: *отношение, соотношение, взаимоотношение, сравнение, подобие, единство совпадение, противоречие, причина, повод,*

доказательство, гарантия, основание, оправдание, прощение, цель, назначение, действие, достижение, согласие, самостоятельность, прикосновение, объяснение, подтверждение, право, соприкосновение, смысл, цель, ориентир, отдельность, независимость.

Данные лексические единицы включены в контексты, связанные с разнообразными темами: от природы и местных обычаяев до политики и социального устройства.

Тема природы – одна из ключевых в творчестве В.П. Астафьева. Писатель трудно переживает экологические проблемы, связанные со строительством гидроэлектростанций в советское время. Почти в каждом произведении автора так или иначе затрагиваются вопросы охраны природы.

Отношение В.П. Астафьева к экологическим проблемам хорошо показывает ответ на один из вопросов читателя: «*Повидавший разгром природы на Урале, гибель деревень в средней России и, наблюдая варварское, колониальное отношение к природе, земле и богатствам великой, богатейшей отчизны под названием Сибирь <...> я никакого оптимизма насчет будущего земли высказать не могу, хотя и рад бы. По этой же причине не верю и в мировую гармонию, тем более достижение ее посредством научно-технической революции <...> Взаимоотношения экономики и экологии в том виде, в каком их «изготовил» человек, — не совместимы, как гений и злодейство* (1986 г. (Ответы на анкету читателей)).

В данном примере использованы три интересующие нас номинации: *отношение, причина и взаимоотношение*. Все они выражают резко отрицательное отношение автора к состоянию экологии в Сибири. В.П. Астафьев считает, что уничтожение природы равно уничтожению человечества. У человека только один путь взаимодействия с природой – путь сотворчества, человек должен продлить жизнь природы, чтобы продлить свое пребывание на Земле.

В.П. Астафьев относится к писателям-деревенщикам: он тесно связан со своей малой родиной и часто описывает ее в своих произведениях. Особенно значимо в его творчестве описание красоты и величия мест его родной земли: Красноярского края, поселка Овсянка, основных рек – Енисея и Маны: «*Впервые видел я сверху слияние двух больших рек – Маны и Енисея. Они долго-долго спешили навстречу друг другу, а встретившись, текут по отдельности, делают вид, что и не интересуются одна другой. Мана побыстрее Енисея и посветлее, хотя и Енисей светел тоже*

В данном примере использована номинация *отдельность* по отношению к рекам Мана и Енисей. По определению, представленному в РСС, «отдельность – обособленность, самостоятельность». Действительно, в тексте автора превалирует мысль свободы одной реки от другой и выявляются различия между ними: *Мана побыстрее Енисея и посветлее*.

Важно отметить, что Енисей у Астафьева – это не просто река в Сибири, часто он именует его «река жизни» или «Енисей-батюшко» [Лейдерман, 2003: 108].

Тема семьи – одна из душевных и трогательных тем в творчестве автора. Виктору Петровичу было всего семь лет, когда погибла его мать: она утонула в Енисее. Памяти матери, Лидии Ильиничны, он посвятил повесть «Перевал».

Тоску по матери он переносит на героев своих произведений: «*Мамы нет больше года, но Кольча-младший не находит себе места, все старается лаской, добротой загладить какую-то вину, хотя он ни в чем не виноват – смерть причину найдет*» (Ангел-хранитель).

После смерти матери В.П. Астафьев сближается с бабушкой, которая заменяет ему маму. В его жизни и творчестве бабушка играет огромную роль, что отмечают многие исследователи. Например, в статье «Архетип

бабушки в произведениях И.А. Гончарова, М. Горького и В.П. Астафьевы: традиции и авторская интерпретация» Е.И. Шевчугова рассматривает архетип бабушки в произведениях разных авторов: в романе И.А. Гончарова «Обрыв» (1869), повести М. Горького «Детство» (1913) и книге В.П. Астафьева «Последний поклон».

«Все три бабушки заменяют героям умершую / ушедшую мать, оказывают важное влияние на формирование личности Бориса, Алеша и Вити» [Шевчугова, 2018: 3] Они дают героям пример жизни, наполненной трудом и заботами.

Екатерина Петровна, бабушка главного героя, открывается нам как суровая, решительная, но и полная доброты и неистощимого оптимизма.

«Она словно бы оправдывалась за Алешку. Но в нашей семье и раньше не принято было обсуждать бабушкины действия, теперь и подавно» (Ангел-хранитель).

В данном примере, автор использует словосочетание *решительные действия*, чтобы показать значимость поступков Екатерины Петровны:

«“Муж да жена – одна сатана” – скромно повторяла она, но касались эти слова лишь матери Мани и Зырянова, остальных детей бабушка и в супружестве тревожила своими решительными действиями» (Бабушкин праздник).

В РСС лексема «*действие*» понимается как «*результат какого-н. воздействия на кого-что-нибудь*». И не зря именно эта номинация чаще всего относится к бабушке главного героя и несет дополнительные компоненты «решительности». Как и бабушка В.П. Астафьева, она является авторитетом в их семье и ее решения не оспариваются.

Тема литературы, писательской деятельности почти не затрагивает художественное произведение автора. Все примеры, которые ярко

описывают отношение автора к литературной жизни, мы нашли в письмах В.П. Астафьева.

Оплата труда в литературной профессиональной деятельности чаще всего автором оценивается негативно, писатель не стеснялся высказываться по этому вопросу. Так, например, о своем отношении к низкой зарплате он напрямую сообщает директору ВААП (Всесоюзного агентства по авторским правам): «*Думаю, что нигде еще автора не унижали такой нищенской платой за переводы, как это делает ВААП на узаконенном основании*» (11 марта 1975 г. (Директору ВААП)).

Номинация «основание» несет в себе ироничный подтекст, особенно в сочетании с лексемой *узаконенном*. Такой поступок со стороны директора В.П. Астафьев считает неприемлемым. Несмотря на то что значение лексемы *основание* – ‘причина, достаточный повод, обосновывающие, оправдывающие что-нибудь’. В этом контексте автор не считает «узаконенным основанием» лишать его заслуженного гонорара.

Следующий пример затрагивает национальный вопрос в творчестве автора: «*Вероятно, ты так и не поверил мне, не захотел поверить из объевреенного Киева, что я не хочу получать никаких денег, боюсь быть ими связанным. В доказательство своей искренности могу тебе сообщить: я так и не востребовал недополученную мной тысячу рублей со студии Довженко за “Ясным ли днем”, и вполне может быть, ее кто-то присвоил*» (23 апреля 1973 (А. Войтецкому)).

Ситуация связана с украинской киностудией Довженко. В.П. Астафьев пишет в письме А. Войтецкому «*Теперь опять какие-то секреты, увертки постоянные, снова разговоры о деньгах!*». Для писателя важным элементом искренности является отказ от «грязных» денег. В данном контексте номинация *доказательство* используется для того, чтобы убедить адресата в откровенности автора и правдивости его слов.

В. П. Астафьев всегда с большим уважением относился к классикам русской литературы: А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, Л.Н. Толстому,

Ф.М. Достоевскому. Например, в письме В. Колыхалову в 1969 году писатель рассуждает о том, что в авторах своего времени он часто находит отголоски взглядов на жизнь писателей-классиков. Для определения их места в современности использована номинация *самостоятельность* с положительной коннотацией. Для В.П. Астафьева, самостоятельность – отсутствие зависимости от чего-кого-либо, в случае писателей – их самобытность и независимость от власти. Его радует, что писатели не повторяют творчество классиков, а пробуют рассмотреть свою индивидуальность через призму их таланта и отношения к жизни: «*Все чаще и чаще в книгах талантливых людей делается видно, что они хотят приблизиться к работе Толстого и Достоевского, не повторяя их, не эпигонствуя, не воображая, что им дан богом тот же талант, а ориентируясь на их совесть, самостоятельность взглядов на жизнь и явления общественные*» (16 апреля 1969 г. Вологда (В.Колыхалову)).

Сам автор на протяжении всего творчества осознавал себя продолжателем традиции русской классики и понимал свою ответственность за каждое написанное им слово. В письме И. Стрелковой мы можем отметить критическое отношение к своему творчеству со стороны автора:

«*Говна я написал много, и нет гарантии, что еще не напишу, но понявши, что это совсем говно, я его, как правило, в переиздания не тащу*» (Июнь 1974 г. (И. Стрелковой)).

В данном предложении слово *гарантия*, имеющее утвердительное значение ‘*обстоятельство, условие, обеспечивающее осуществление чего-нибудь*’, сопровождается негацией, которая выражена частицей *нет*.

Политическая тема очень тесно связана с литературой. Во времена СССР и даже после его распада цензура мешала писателем выражать свои настоящие чувства и мысли через творчество. В письме В.Я. Курбатову В.П. Астафьев рассказывает об Олеге Пащенко – экс-депутате Законодательного Собрания Красноярского края: «*Пащенко и его связников по какому-то патриотическому русскому союзу шельмуют всех и вся, в том*

числе и меня, борясь за то, чтобы ничего не писать иходить в писателях, а если и писать, то плохо, бездарно и отстаивать эту стряпню как величайшее достижение духовной, творческой и всякой другой мысли» (22 февраля 1994 г., Красноярск (В.Я.Курбатову)).

В данном контексте используется номинация *достижение* в ироническом смысле. В.П. Астафьев считает, что не может называть «стряпню», которую необходимо писать в угоду власти, достижением русской культуры.

Итак, проведенный анализ лексического подкласса «Связи. Отношения. Зависимость» в письмах В.П. Астафьева и в его книге «Последний поклон» показал, что абстрактные номинации, входящие в этот подкласс, используются в различных обобщениях и выводах в контекстах, выражающих наиболее важные для автора темы: экологии, семьи, литературного творчества, русской культуры, политики. Несмотря на то что в текстах В.П. Астафьева лексическое разнообразие данного подкласса почти в 10 раз меньше, чем в «Русском семантическом словаре», его единицы выражают важные текстовые смыслы, а их анализ позволяет выявить значимые семантические доминанты индивидуально-авторской картины мира исследуемой ЯЛ, в числе которых можно выделить следующие: роль бабушки в личной жизни писателя, любовь к родной земле и тревога по поводу экологических проблем, существующих в СССР, уважение к классикам русской литературы и критика литературных чиновников и советской цензуры. Конечно, здесь перечислены далеко не все вопросы, значимые для литературного и эпистолярного творчества В.П. Астафьева. В данном разделе работы было выявлено, что лексемы со значением ‘связи, отношения, зависимость’ репрезентируют наиболее существенные для текста смыслы, являются их маркерами.

2.1.1. Семантика лексем *цель* и *причина* в текстах В.П. Астафьева

Лексемы *цель* и *причина* в лингвистических работах нередко рассматриваются через концептосферу.

Концепт «Цель» широко обсуждается также в философских и логических трудах [Крат, 2008].

В лингвокультурологии мегаконцепт «Цель» относят к числу фундаментальных концептов. Он причисляется к разряду слов с семантикой высшего уровня абстрактности, но в то же время включает в себя специфику ценностной составляющей, «что позволяет говорить о “Цели” как концепте русской культуры» [Ященко, 2005: 2].

В ряде лингвистических работ концепты «Цель» и «Причина» рассматриваются как единый мегаконцепт «Причинность».

В.В. Колесов в статье «Причина и цель» анализирует характеристики трёх концептов: «Причина», «Причинность» и «Цель». В ходе анализа он устанавливает оппозицию лексем *причина* – *цель*, а также отмечает родовой характер концепта «Причинность», который включает в свой состав условие, причину и цель [Колесов, 2013].

В исследуемых нами текстах лексема *условие* представлена мало, поэтому мы обратим внимание только на номинации *причина* и *цель*.

Согласно словарям, слово *причина* имеет следующие значения:
1) ‘явление, вызывающее, обуславливающее возникновение другого явления’; 2) ‘основание, предлог для каких-н. действий’.

Цель – это (в переносном значении) то, к чему стремятся, что надо осуществить.

Вслед за Ю.С. Степановым мы признаем, что причины являются «фактами», существуют только в ментальном мире человека и выражены

средствами языка, подчеркнём, что именно этим «Причина» как концепт культуры отличается от понятия «причина» в научном смысле. Но трудно вполне согласиться с Ю.С. Степановым в отнесенности «Причины» и «Цели» к одному концепту.

Во-первых, причина связана с событиями прошлого, а цель – с событиями будущего; во-вторых, причина оценивается как реальное событие, а цель – как, потенциальное или желательное.

Как «причина», так и «цель» характеризуются двойственностью значения, но комбинация значений различна.

Причина – это 1) ситуация, вызывающая другую ситуацию; 2) это сама связь между двумя ситуациями, из которых одна вызывает другую, а цель – это 1) намерение, желание субъекта; 2) результат, достигаемый субъектом.

Представляется возможным «пересечение» причины и цели в том случае, если ситуация, вызывающая другую ситуацию, совпадает с намерением или желанием субъекта.

В нашей работе за основу мы взяли русский семантический словарь Н.Ю. Шведовой. В словаре дается следующее определение значения лексемы *цель* – ‘предмет достижения желаемого, необходимого; предполагаемое следствие каких-н. действий’ [Шведова, 1998: 160].

Таблица 5. Количество сопоставление номинации «цель» в текстах В.П. Астафьева

Анализируемый текст	Количество абстрактной номинации «цель» в анализируемых текстах
Последний поклон	17
Нет мне ответа...	4

Номинация *цель* наиболее частотна в художественном произведении автора, но, прежде чем перейти к номинации *цель* в «Последнем поклоне», рассмотрим ее употребление в письмах.

В письме А.Н. Макарову В.П. Астафьев пишет: «*Я пишу Вам не с целью* оказать какое-то давление (как это пишется в газетах), а просто в порядке участия в судьбе этой очень культурной и в общем-то совершенно беззащитной женщины» (4 января 1963 г. (А.Н. Макарову)).

В данном высказывании эксплицитно выражен метасмысл речевого намерения, автор использует так называемый прием речевого отказа, когда предполагает, что адресат может неправильно его понять. Цель просьбы В.П. Астафьева – оказать помощь в издании книги далёкой родственнице знаменитых Волконских Ольге Александровны Волконской.

Следующее употребление слова *цель* использовано для того, чтобы эксплицировать намерение автора привлечь внимание к творчеству покойного Бориса Никонова и почтить его память: «*Я пишу Вам это письмо не для того, чтобы заниматься философским* изысканиями, а с чисто практической *целью* — мне бы хотелось, как земляку Бори Никонова, любящему людей родного края и всё, что в нём есть истинно ценного, привлечь внимание краевого комсомола к удивительно редкой судьбе покойного юноши (1975 год).

Обратим внимание на то, что в этом примере автор подчеркивает, что его цель *практическая*, что это не *философские изыскания*.

Следует отметить, что в обоих примерах эксплицитно выражена квалификативная категория модуса авторизации. В.П. Астафьев указывает принадлежность письма фразой «*Я пишу Вам...*», чтобы воздействовать на адресата, побудить его выполнить просьбу.

Важная тема творчества В.П. Астафьева – война. И в письмах затрагивается данная тематика. Чаще всего автор рассказывает о своем отношении к войне и о том, как трудно писать о ней: «*Сейчас я упорно готовлюсь писать о войне — с этой целью ездил в ГДР, в Польшу, на Украину, и снова отправляюсь в Киев. <...> О войне мне хочется писать по-своему, это трудно, но нужно*» (Декабрь 1977(М.А.Ульянову)).

Тема общественно-политической жизни также часто встречается в эпистолярном творчестве писателя, особенно в 90-е годы XX века, когда В.П. Астафьев делится своим мнением о распаде СССР со своими коллегами и друзьями, пишет о своем отношении к происходящим в то время событиям. В письме Е.И. Носову, Виктор Петрович описывает съезд Союза писателей в постсоветской России. Он отрицательно относится к этому съезду: «*Съезд, или то, что было названо съездом, был последним позорищем, достойным нашего времени и писателей, которые это позорище устроили. <...> А тут сивые, облезлые старые неврастеники, ещё более пьяные и дурные, чем прежде, дергаются, орут кто во что горазд, видя впереди одну жалкую цель, чтобы им остаться хоть в каком-то Союзе, возле хоть какой-то кормушки*» (Август 1992 г. Овсянка (Е.И.Носову)).

Автор использует номинацию *цель* с прилагательным *жалкая*, т.е. не достойная того, чтобы существовать. А сама *жалкая цель* подразумевает собой – сохранение Союза писателей, но не ради творчества, а ради того, чтобы писатели могли как-то кормиться.

Далее рассмотрим лексему *цель* в художественном тексте В.П. Астафьева. Повесть в рассказах «Последний поклон» – художественная автобиография автора, которая писалась с 1968 по 1991 годы. Для художественного текста характерны рассуждения о предназначении человека, о цели в жизни, о чём нам и будут говорить примеры из текста.

Пр.: «*Дядя Левонтий любил море, а я любил. Главная цель моей жизни была прорваться в дом Левонтия после его получки, послушать песню про малютку обезьянку и, если потребуется, подтянуть могучему хору*» (Конь с розовой гривой).

В данном примере описана *главная цель* героя – сбежать из дома, чтобы бабушка не узнала, и провести вечер с дядей Левонтием. Казалось бы, эта цель незначительна, но рассказчик ценит такие моменты в жизни, и мечтает, чтобы они повторялись. Текст первой книги «Последнего поклона», куда

входит рассказ «Конь с розовой гривой», пронизан светлым юмором, несоответствие детских и взрослых представлений о том, что может быть главной целью жизни, создает комический эффект. (Ср.: *Его главная цель — учиться*. Лексема *главная* один из важных компонентов номинации «цель», у каждого из нас есть главная цель, к которой мы стремимся, чаще всего она связана с чем-то высоким, благородным).

В следующем примере мы видим описание *главной цели*, которую перед собой ставит не человек, а животное – щенок Шарик: «*Главная цель в жизни Шарика – пробраться в избу, вылакать у кошки молоко и помочиться на веник под рукомойником*» (*Ангел-хранитель*).

Как и в предыдущем фрагменте текста, выражение *главная цель в жизни* служит созданию комического эффекта. Животное не может иметь высоких духовных целей, даже несмотря на то, что автор по-доброму и любя называет Шарика *ангелом-хранителем*, щенок все же имеет приземленные, практические цели.

В следующем примере дано описание детской игры «бабка» или «в бабки»: «*И как только мать вываливала сваренные кости в корыто, почти на лету выхватывали кто чего успевал, имея целью добить бабку* (*Гори, гори ясно*).

Бабка здесь – это «первый сустав или фаланг пальца жвачных животных» (Энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефона). Эту кость используют для игры «в бабки», которая была распространена в России.

Можно сказать, что в этом тексте мы видим обычную мечту деревенских мальчишек. Ведь у кого больше «бабок», тот считается победителем в игре, а это честь для маленького мальчика.

Игровая тематика на этом примере не заканчивается. В главе «Гори, гори ясно» описана еще одна игра под названием «в кол». Суть этой игры такова: брали кол и колотушку или кувалду, далее искали тихое место, «*затишный переулок иль или за бани, <...> либо кучи старых бревен, за*

которыми и под которыми можно надежно склониться» (Гори, гори ясно). Самый важный момент в этой игре – выбор голящего. Здесь существовало несколько способов:

1. «*Бежим до митряшинских ворот. Кто последний прибежит, тот и голит*» (Там же).
2. Голящего выбирала девочка, пряча в руках белое и черное стеклышко. Здесь и решалась судьба каждого из ребятишек.

И не зря именно в этом контексте используется такое словосочетание, как *заветная цель*: «*И наконец к заветной цели тащились два последних, разбитых, полумертвых человека. <...> Прошлая жизнь за эти несколько шагов к заветной цели промелькнет перед мысленным взором, и выйдет, что была твоя жизнь сплошной ошибкой...*» (Там же).

Прежде чем анализировать приведенный выше текст, рассмотрим понятие *заветная цель* в привычном понимании. В этом случае мы можем говорить о философском понятии «цель» как о жизненном стремлении человека, о его духовной цели. Обратимся к толковому словарю: «Заветный – сокровенный, задушевный. Заветные мечты» [Ожегов, Шведова, 1997]. Отметим, что в значении слова *заветный* содержатся семантические компоненты ‘духовность’, ‘сокровенность’.

Но обратимся к тексту. В рассматриваемом предложении *заветная цель* – выбрать руку с белым стёклышком и не стать голящим. Как и в прошлом примере, мы видим, что заветная цель у детей вполне приземленная.

Далее перейдем к анализу лексемы *причина*.

Таблица 6. Количественное сопоставление номинации «причина» в текстах В.П. Астафьева.

Анализируемый текст	Количество абстрактной номинации <i>причина</i> в анализируемых текстах
Последний поклон	27
Нет мне ответа...	44

Выше мы писали, что исследователи относят концепты «Причина» и «Цель» к одному мегаконцепту «Причинность», поэтому для нас важно рассмотреть следующий пример, в котором одновременно используются лексемы *причина* и *цель*: «*Сражения разгорались с первоотпели, с Пасхи. Пасха каждый год бывает в разные сроки, то ранней, то поздней весной, но есть тут причина для игры самоглавнейшая – к празднику забивалось много скота, варились корыта, ушаты, колоды, тазы студня*» (Гори, гори ясно).

Если в тексте, где используется лексема *цель*, автор сообщает о главной мечте детей, то в этом контексте дается объяснение причины популярности этой игры в период Пасхи: забивалось много скота – было очень много «бабок». Действительно, если мы будем рассматривать лексемы *причина* и *цель* во временном отношении, то увидим, что причина – это прошлое, реальное, а цель – будущее, нереальное.

Следующее употребление номинации *причина* также относится к контексту игры. Здесь данная лексема вводит иронический подтекст: все, кто ранее не хотел работать и выискивал причины, чтобы отдохнуть, не могли пропустить варку холода перед игрой «в бабки»: «*Но любящие вытягиваться до обеда, отыскивающие в себе недуги и всякие причины, только чтоб не полоть огород, не пилить дрова, чтоб отлынить от всякого дела, пролетары дяди Левонтия не проспали ни одного утра, в которое мать собиралась творить таинство в кути*» (Гори, гори ясно).

Далее мы видим употребление номинации *причина* по отношению к мальчикам и их детским забавам. Повествователь рассказывает о различных причинах появления шишечек и ссадин у Саньки: «*Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными окровенелыми глазами, Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят*» (Конь с розовой гривой).

В следующем предложении номинация *причина* использована с целью объяснить, почему имена в семье Потылицыных повторяются: «*Долго жили на свете бабушка с дедушкой, и все имена, как человеческие, так и скотские, извели, по этой причине у нас были два Кольчи -- младший и старший; два Ивана -- старший Иван и его сын, Иван Иванович, наши брат, а бабушке внук, -- поэтому никаких подходящих имен на память не приходило*» (Пеструха).

Тема смерти для «Последнего поклона» является одной из основных. В следующем фрагменте с этой темой связана паремия (она выделена жирным шрифтом): «*Мамы нет больше года, но Кольча-младший не находит себе места, все старается лаской, добротой загладить какую-то вину, хотя он ни в чем не виноват -- смерть причину найдет*» (Ангел-хранитель).

Тема смерти часто встречается и в рассуждениях героя: «*<...> раз от бурности я мигом перехожу в недвижимость, замкнутость, стало быть, блажен есть и ох как худо могу кончить по этой причине земной путь*» (Карасиная погибель).

В «Последнем поклоне» встречаются фрагменты текста, относящиеся к официально-деловому стилю и включающие слово *причина*: «...*Отдел актов гражданского состояния. Свидетельство о смерти № 189, фамилия: Астафьев, имя-отчество: Павел Яковлевич. Умер(ла) 7 июня 1939 г... о чем в книге записей гражданского состояния о смерти 1939 года 16 июня произведена соответствующая запись. Город-селение: Игарка, край-область: Красноярский... возраст, причина смерти: 57 лет, утопление...*» (Бурундук на кресте).

Как уже было отмечено, одна из главных тем творчества В.П. Астафьева – это тема войны. В следующем фрагменте лексема *причина* встречается дважды, в ее значении содержатся отрицательные коннотации, потому что слово *причина* обозначает беду: «*Что же случилось у Августы?*

Без причины она не позвала бы меня. А причина какая сейчас может быть? Беда. Только беда» (Где-то гремит война).

Продолжая военную тематику, В.П. Астафьев рассуждает о различных причинах действий солдат в военное время: «Я прибыл из медсанбата досрочно, чтобы не угодить в эвакуацию и оттуда в другую часть -- одна, кстати, из главных **причин**, по которой бойцы и командиры, недолечиваясь, покидали медсанбаты, а не из-за какой-то там особой доблести» (Там же).

Тема войны встречается и в письмах автора. Здесь В.П. Астафьев рефлексирует о том, что происходило на войне. Лексема *причина* часто используется в контекстах со следующим значением: автор анализирует прошлое и причины, по которым случилась война.

В следующем примере автор использует лексему *причина* с отрицательной коннотацией, это связано с сокрытием правды о военных действиях на Днепре: «Перечитал я кучу литературы, мемуарной и документальной о битве за Днепр. Боже мой! Я и не предполагал, что можно так и столько наврать, исказить всё! Значит, есть **причины** не говорить правду, а *причина*-то, в общем, одна: наши колossalные потери на Днепре...» (Март 1978 г. (Е.В. Бахтину)).

Тема политики почти не затрагивается в «Последнем поклоне», но в рассказе «Вечерние раздумья» главный герой рассуждает о своей жизни и жизни жителей деревни, поэтому этот рассказ включает разнообразные темы, в том числе и тему политики.

В.П. Астафьев очень тревожился за будущее деревень, потому что он видел, как многие деревни приходили в упадок. Ему была небезразлична судьба деревни, он глубоко переживал все обрушившиеся на нее невзгоды: «Деревня наша рассеялась. Колхоз развалился. Вчерашие крестьяне стали ничем, потеряли основу жизни, свое хозяйство и сделались

*межедомками.<...> Жила в нашем деревенском переулке семья самоходов Федотовских. Семья совершенно бедная, рабочая и по этой **причине** не желавшая вступать в колхоз»* (Вечерние раздумья).

В этом же рассказе автор повествует и о своей семье, в первую очередь о том, за что посадили в тюрьму отца, деда и дядю Васю: «*Большую, видать, он стал угрозу для будущего государства представлять, вот его на всякий случай и изолировали да до осени и продержали в тюрьме без суда, следствия и выяснения причин*» (Вечерние раздумья).

В письмах тоже встречаются размышления по поводу ссылки отца Виктора Петровича, но здесь мы уже видим, что обвинения автора направлены не на власть, а на самого Павла Петровича: «*Мой папа тоже зимогорил в Енисейске (отбывал там ссылку в 1953-1955 гг.) правда, не без вины, а по причине дурной своей башки*» (24 августа 1976 г. (Р. Штильмарку)).

Итак, большое количество употреблений слова *причина* в рассказе «Вечерние раздумья» связано с тем, что в нем содержатся воспоминания о прошлой жизни и размышления о причинно-следственной связи минувших событий, а в значении лексемы *причина* есть семантический компонент прошлого.

Рассмотрим другие употребления номинации *причина* в письмах В.П. Астафьева.

В следующем письме мы уже встречаемся с бытовой и, можно сказать, типичной проблемой для деятеля искусства – проблемой нехватки денег, что явилось причиной для отмены поездки в Молотов: «*Главная причина сам знаешь какая. Время у неработающего писателя есть всегда, а вот деньги — редкие гости*» (Октябрь 1956 г. Чусовой (В.А. Черненко)).

Отметим, что номинация *причина* охарактеризована прилагательным *главная*, что говорит о важности рассматриваемой проблемы в жизни Виктора Петровича.

Следующий пример также показывает нам финансовое положение В.П. Астафьева и его неприязнь к ВААП (Всесоюзному агентству по авторским правам), о котором мы уже писали ранее: «*Прошу больше не обращаться ко мне с подобными просьбами и не отнимать у меня, работающего человека, время по той причине, что гонорарные условия, которые предлагает мне ВААП, считаю грабительскими*» (11 марта 1975 г. (Директору ВААП)).

Еще одно употребление номинации *причина* встречается в описании бытовой ситуации. У дочери Виктора Петровича Ирины была тяжелая судьба: ее муж Геннадий Ромашов после рождения дочери Полины с каждым годом все больше пил, после чего их семья распалась: «*После смерти отца задавило у меня собаку, разошлась Ирина с мужем — причина всё та же, российский загульный муженёк и совсем забулдыгой стал — ни стыда, ни совести...*» (25 октября 1979 г. Сибла (В.Юровских)).

В письмах В.П. Астафьев часто пишет о своих произведениях, об их создании, преимущественно с отрицательной оценкой, потому что писательство — это тяжелый труд. Например, о войне Виктор Петрович боялся писать, потому что боялся вспоминать те годы.

В письме Ю.В. Бондареву, автор рассуждает о своем нежелании дописать повесть «Царь-рыба», причины, как говорит писатель, «внешние»: «*Настроение моё творческое не очень, не знаю, где и на чём я “подорвался”, но вот уж несколько лет мучаю и не могу домучить вроде бы и несложную повесть “Царь-рыба”, и как всегда в таких случаях, ищу причины внешние*» (4 июля 1975 г. (Ю.В. Бондареву)).

В письме В. Юровских Виктор Петрович анализирует соотношение понятий «писать» и «читать». Лексема *причина* используется в данном контексте по отношению к теме «писательства»: «*Писать — это от бога и ещё от многих и многих причин зависит, а читать?*» (14 марта 1982 г. (В. Юровских)).

В письме В.Я. Курбатову Астафьев объясняет, почему ему в данный момент сложно общаться с ним на литературные темы. Причина – бытовые проблемы с малышом, который долго болеет: «*По сей причине не вступаю я ни в какие с тобой литературные дискуссии — башня свинута, я уже и позабывать стал о какой-то “Царь-рыбе”*» (28 ноября 1976 г. Вологда (В.Я. Курбатову)).

В письме Николо Христову Виктор Петрович рассуждает о произведении «Ключая роза», в котором поднимается проблема защиты природы. Астафьев очень трепетно и с болью относится к негативным изменениям на его родине: к вырубке лесов, строительству ГЭС – и соглашается с Николо, что причина всего этого – *человеческая беспечность*: «*Вы совершенно точно назвали одну из причин такого тревожного положения на земле — человеческая беспечность, от которой до преступности всего шаг, и шаг совсем небольшой*» (1976 г. (Н. Христову)).

Периодически В.П. Астафьев отвечает на вопросы читателей. И в одном из писем с ответами автор затрагивает тему защиты природы. Он считает, что мировой гармонии не будет существовать, пока миром правит человек: «*По этой же причине не верю и в мировую гармонию, тем более достижение её посредством научно-технической революции*» (1986 г. (Ответы на анкету читателей)).

Тему детства также нередко затрагивает писатель в своих письмах. Детство в детском доме не проходит бесследно. В письме В.В. Воробьёвой Виктор Петрович вспоминает о своем покойном друге Косте Воробьёве. Во

время очередного съезда они повстречались и были очень рады видеть друг друга: «*Обнялись мы с Костей, крепко припали друг к другу, он меня по спине колотит, а голову с плеча не убирает — слёзы прячет. Я ж детдомовец, понятлив, а Костя — опять же по причине детдома: там ведь забыют, если не умеешь приспособливаться*» (3 февраля 1990 г. Красноярск (В.В. Воробьёвой)).

В этом примере мы видим, что показывать свои эмоции для детдомовцев было непринято, номинация «причина» здесь используется с отрицательной коннотацией.

Исходя из проанализированного материала, можно сделать вывод о том, что лексемы *причина* и *цель* не могут рассматриваться в одном концепте «Причинность». Как мы говорили ранее, цель связана с будущим, а причина – с прошлым. Кроме того, цель обусловлена волей действующего лица, а причина нет. Поэтому номинация *причина* употребляется в контекстах, связанных с разнообразными темами: политика, война, бытовые проблемы, семейные ценности, защита природы, литература, смерть, игры. Все эти темы затрагивают прошлое В.П. Астафьева, его воспоминания. Ему важно рассказать о том, что его тревожит.

Номинация *цель* встречается гораздо реже в проанализированных текстах. Можно говорить о том, что темы, в которых употребляется номинация *цель*, связаны с представлением о будущем. В.П. Астафьев с большой любовью рисует в повести «Последний поклон» картины детских шалостей и забав, простые и приземленные цели не только детей, но и взрослых и даже животных. В простой жизни В.П. Астафьев видит наиболее счастливый и органичный идеал человеческого существования на Земле.

2.2. Подкласс «Модальность»

В данном разделе проводится анализ номинаций из подкласса «Модальность». В значениях лексем, входящих в данный подкласс, отражен ментальный опыт человека, который связан с поиском истины, правды. При употреблении номинаций модальности бессознательно происходит осмысление критериев достоверности, а также осознание значимости понятий: должное, необходимое, обязательное.

Одним из первых теорию модальности предложения начал разрабатывать швейцарский лингвист Ш. Балли. Он считал, что модальность – это «душа предложения. Как и мысль, она образуется в результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значение предложения высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо выражение модальности. Отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности» [Балли, 1955: 44].

К настоящему времени сформулировано несколько определений, которые по-разному раскрывают суть понятия «модальность». В одних исследованиях выражен семантико-прагматических подход к модальности. Например, в работе Г.А. Золотовой «Очерк функционального синтаксиса русского языка» термин «модальность» понимается как «субъектно-объектное отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения его реальности, соответствия или несоответствия действительности» [Золотова, 2009: 142].

В других, рассматривают модальность с точки зрения содержательной стороны. В такого рода исследованиях языковая модальность предстает как семантическая категория, состоящая из двух содержательно разнородных модальных пластов: пропозиционального (онтологического) и прагматического (гносеологического). «Пропозициональная модальность (или модальность диктума) связана с актуализацией обозначаемого события, а прагматическая (то есть модальность модуса) — с прагматической оценкой сообщения об этом событии» [Ваулина, 1993: 17].

В словаре Н.Ю. Шведовой подкласс «Модальность» организуется соположением лексических подмножеств, возглавляемых следующими семантическими доминантами: «Реальность. Достоверность. Неотвратимость. Несомненность. Определенность»; «Нереальность. Недостоверность. Ложь. Бессмысленность»; «Возможность. Осуществимость. Обязательность. Неопределенность»; «Долженствование. Необходимость. Надобность».

Количественное сопоставление в таблице 7 показывает, что в письмах В.П. Астафьева в подклассе «Модальность» абстрактные номинации более разнообразны, чем в художественном тексте.

Таблица 7. Количественное сопоставление проанализированных языковых единиц

Анализируемый текст	Количество лексико-семантических рядов, включающих абстрактные номинации	Количество абстрактных номинаций (лексико-семантических вариантов, словозначений)
Последний поклон	8	21
Нет мне ответа...	11	26

Лексический подкласс «Модальность» в РСС включает 12 подмножеств, каждое из которых имеет свое название в словаре и обозначается цифрой от 150 до 162.

В таблице 8 представлены 10 наиболее наполненных лексических подмножеств в текстах писателя.

Таблица 8. Наполненность лексических подмножеств, составляющих лексический подкласс «Модальность» в РСС и в текстах В. П. Астафьева

Номер подмножества в РСС	Наименование подмножества в РСС	Количество единиц, входящих в подмножество		
		В РСС	В письмах В.П. Астафьева	В произведении «Последний поклон» В.П. Астафьева
151	Реальность. Объективность. Истинность	14	4	3

152	Неизбежность. Неотвратимость	10	1	1
153	Несомненность. Доказательность. Определенность. Однозначность	25	1	1
154	Недостоверность. Бездоказательность. Невозможность.	17	1	1
155	Ложь. Домысел. Обман. Ошибка	15	4	2
158	Возможность. Вероятность. Осуществимость	38	1	6
159	Обязательность. Готовность. Действенность	21	3	8
160	Ожидаемость	12	2	2
161	Неопределенность. Неоднозначность. Проблематичность	27	3	1
162	Долженствование. Необходимость. Надобность	19	5	4

Проведенный анализ показал, что количество единиц, входящих в лексические подмножества в письмах, больше, чем в художественном тексте: в 151, 155, 161 и 162 подмножестве. Однаковое количество номинаций в подмножествах: 152, 153, 154, 160. Количество номинаций, входящих в лексические подмножества 158 и 159, в художественном тексте больше, чем в письмах.

В проанализированных текстах данный подкласс входят следующие единицы: *действительность, правда, истина, справедливость, неизбежность, точность, невозможность, выдумка, обман, неправильность, воображение, видимость, возможность, воля, сила, способность, горизонт, перспектива, неожиданность, загадочность, условность, дело, надобность, нужда, потребность, необходимость*.

Таким образом, и в письмах, и в «Последнем поклоне» номинации данного подкласса разнообразны. Рассмотрим примеры употребления некоторых наиболее значимых для данных текстов единиц.

Наиболее эксплицитно отношение писателя к современной ему жизни отражают контексты, в которые входит лексема *действительность*, она встречается как в «Последнем поклоне», так и в письмах. В подмножестве

«Реальность. Объективность. Истинность» актуальным, по представленному в РСС толкованию, является следующее значение данной лексемы: ‘подлинность, реальность, истинность существования (книжн.)’ [РСС, т. 3], однако на модальность реальности указывают и другие значения: 1) ‘Объективный мир во всём многообразии его связей, протекание жизни во всех её проявлениях’; 2) ‘Сложившаяся обстановка, положение вещей’; 3) ‘То же, что действенность’ (устар.).

Тема гибели русской деревни – одна из главных тем всего творчества В.П. Астафьева, как художественного, так и эпистолярного: «*Газетчики, как всегда, желаемое принимают за действительность, а деревня тем временем доживает, допивается и гниет на моих глазах*» (10 октября 1966 года Быковка (А.М. Борщаговскому)).

В этом примере слово *действительность* имеет значение ‘подлинность, реальность, истинность существования’ и само не обладает отрицательными коннотациями, но включено в контекст с резко отрицательной оценкой: журналисты, иронично названные газетчиками, не хотят видеть проблем погибающей деревни. Отметим также сравнение *как всегда*, которое включает в предложение пресуппозицию безысходности из-за того, что поведение советских журналистов не меняется.

Одна из ключевых для В.П. Астафьева тем – это тема войны, которая рассматривается и в его письмах. Для него позиция «*Немец, убивающий русского, — плохой; русский, убивающий немца, — хороший*» является чуждой: «*Это в какой-то момент помогало духовному нашему возвышению, поднимало над смертью и нуждой, но и приучало к упрощенному, восприятию действительности, создавало удобную схему, по которой надо и можно любить себя, уважать, хвалить...*» (13 ноября 1974 г. (В.Я. Курбатову)).

Во многих письмах В.П. Астафьева рассматривается литературная тематика: «*А без проблемы, без углубления в действительность какая может быть литература?*» (Февраль 1967 г. (А.Н.Макарову)); «*Только начала наша литература заглядывать вглубь, только приступила к осмыслинию окружающей действительности, как ее начали трясти за грудки и гнать*» (16 апреля 1969 г. Вологда (В.Колыхалову)).

Во многих проанализированных текстах слово *действительность* сочетается с определениями *современная, советская, наша, окружающая, дорогая, натуральная*, обозначает протекание современной В.П. Астафьеву жизни в СССР и в постсоветское время.

Пр.: «*А еще несколько лет спустя занесло меня в компании творческих людей, пристально взглядывающихя в современную действительность, на образцовый скотокомплекс, где тысячи коров отменной, продуктивной, по науке селекционированной породы, цвета старинной меди, стояли на бетонном полу, в тесной железной изгороди*» (Пеструха).

Это фрагмент из одного из рассказов повести «Последний поклон», который посвящен коллеге и другу В.П. Астафьева Валентину Григорьевичу Распутину, болезненно переживавшему то, что происходит с природой родной земли. В рассказе «Пеструха» описывается несколько тем: тема природы, тема отношения человека к природе, тема связи поколений.

В приведенном выше примере словосочетание *современная действительность* содержит коннотацию отрицательной оценки, поскольку существующее в современном мире жестокое отношение людей к животным поражает писателя.

Пр.: «*Но тогда я еще не был таким усталым от нашей дорогой действительности, все воспринимал обостренно, взаболь, и меня потрясло, что люди, владеющие пером, и даже “выдвиженцы пера” — из*

рабочих и местной интеллигенции, пишут здесь и “докладывают” по давно известному, крикливому и хвастливому, Советами рожденному, принципу: “Не верь глазам своим, верь моей совести”» (Комментарии).

Это цитата из комментариев автора к «Последнему поклону», где определение *дорогой* имеет значение, противоположное одному из словарных значений этого слова: ‘такой, которым дорожат; важный, ценный для кого-, чего-л.’. Словосочетание *наша дорогая действительность* в приведенном примере выражает ироничную резко отрицательную оценку и относится ко всей общественно-политической жизни в СССР.

В письмах В.П. Астафьев тоже резко критикует разные аспекты жизни в Советском Союзе и постсоветской России. Его эпистолярные тексты пронизаны болью из-за всего происходящего в нашей стране, и негативная оценка автора сопровождается иронией, переходящей в сарказм: «*Устал я от нашей действительности и от вождей мирового пролетариата, сплошь выдающихся и скромных*» (2 июля 1985 г. Овсянка (Ю.Н. Сбитневу)).

Пр.: «*Сказать кому, так не поверят, скажут — клевета на советскую действительность, и Женька никому не говорит об этом, стесняется своей бедности*» (22 ноября 1965 г. Быковка (А.М. Борщаговскому)).

В этом письме А.М. Борщаговскому В.П. Астафьев рассказывает о ситуации, в которую попал его друг-писатель Евгений Носов, живущий в бедности из-за того, что работает медленно: ест ливерную колбасу, которую приносят для его собаки, но признаться ему в этом стыдно.

Иронично-критичное определение современной жизни как *наша дорогая действительность* является отличительной чертой идиостиля В.П. Астафьева во многих письмах.

В письме Е.А. Лебедеву писатель пишет о том, что переехал на Родину и о своих болезнях, которые объясняет прошлыми ранами и положением в стране: «*Сказываются и сидение за столом, и фронтовые раны, и*

внутреннее первое напряжение, и раздражение от наших порядков, которые не трогают только забулдыг и воров, ибо им в нашей дорогой действительности самый плодотворный оказался климат и всего тут способней существовать и плодиться» (20 апреля 1983 г. Красноярск (Е.А. Лебедеву)).

В письме Р.А. Балакшину автор одобряет решение адресата стать граждански активным человеком и критикует людей, равнодушных к проблемам общества людей: «*На отшибе от жизни, а значит, от воистину дорогой действительности могут жить только себялюбы и равнодушные люди*» (5 ноября 1984 г. Красноярск (Р.А. Балакшину)).

В письме к Перевалову В.П. Астафьев с иронией пишет о современных молодых людях, считающих себя интеллигентными: «*Ношибко не балуйте — уж так ли туга приходится одноштучным интеллигентным мальчикам в нашей дорогой действительности, особенно в армии, что они порой накладывают на себя руки*» (9 июня 1988 г. Красноярск (К. Перевалову)).

В письме Насадкину дана негативная оценка всему происходящему в нашей стране после развала СССР: «*Дай Бог сил, здоровья и терпения “отражать” эту дорогую действительность, да еще в “осаде” бесхлебья, беззакониям всеобщего разгула, политикаанства, воровства и блядства*» (16 июня 1992 г. Овсянка (Н.Н. Насадкину)).

Таким образом, словосочетания ***наша дорогая действительность*** и ***эта дорогая действительность*** во всех письмах В.П. Астафьева выражают резко отрицательную, ироничную, доходящую до сарказма оценку жизни в стране, как в СССР, так и в постсоветской России.

Писатель страдает от того, что происходит в нашем государстве, в жизни народа, ему больно от того, что он не видит выхода из существующего положения: «*...многие знания про нашу действительность воистину умножают скорбь!*» (24 ноября 1993 г. Красноярск (В.А. Линнику)); «Более

*того, я вот и сам понял, что ныне делаю тоже «антилитературу», и какое-то время она будет царить в российской словесности, хорошо, если какое-то время, хорошо, если великая культура прошлого выдержит ее накат, а будущая жизнь будет так здорова и сильна, что устоит перед ее страшной разрушительной мощью, хотя **действительность наша** не вселяет в это уверенности» (24 февраля 1991 г. (В.Болохову)).*

В письме И.А. Дедкову автор высказывает предположение о том, как бы оценил Лев Толстой жизнь в современной России: *«А он, крутой человек, балованный жизнью, славой, сладким хлебом, и вовсе не выдержал бы нашей натуральной действительности и, не глядя на могучую природу, глубинную культуру и интеллектуальное окружение, такое б выдал, что бумага бы треснула, а уж зеркало русской революции утюгом бы всенепременно разбил, можете в этом не сомневаться»* (25 февраля 1997 (И.А. Дедкову)).

Таким образом, существительное *действительность* в проанализированных текстах В.П. Астафьева употребляется в трех значениях: 1) ‘подлинность, реальность, истинность существования (книжн.)’; 2) ‘объективный мир во всём многообразии его связей, протекание жизни во всех её проявлениях’; 3) ‘сложившаяся обстановка, положение вещей в СССР или постсоветской России’. Наиболее частотным у В.П. Астафьева является третье значение слова.

Все контексты с лексемой *действительность* выражают негативную оценку жизни в стране, писатель страдает из-за существующего положения дел, но не видит возможности исправить ситуацию.

В индивидуально-авторской ЯКМ В.П. Астафьева значимыми являются слова из лексического подмножества «Ложь. Домысл. Обман. Ошибка», так как они ярко выражают отношение писателя к действительности, для которого ложь и обман со стороны государства были неприемлемы, но обман

подростков как проявление приспособляемости к жизни и выживаемости в трудных условиях допускался.

Значение лексемы *обман* в РСС определяется следующим образом: 1) ‘то, чего не существует в действительности, вымысел’; 2) ‘ложное представление о чём-н., заблуждение’; 3) ‘введение в заблуждение, лганье’; 4) ‘ложь, вымысел’.

Для лексического подмножества «Ложь. Домысел. Обман. Ошибка» актуальным является первое из указанных значений, которое связано с модусной категорией персуазивности – степенью уверенности автора в достоверности излагаемой информации. Однако и остальные три значения так или иначе связаны с персуазивностью предложения и текста. Существительное *обман* репрезентирует абсолютную уверенность автора в том, что информация недостоверна.

В «Последнем поклоне» лексема *обман* встречается во второй и третьей книгах, где идет повествование о трудной жизни сироты-подростка и о жизни во время войны: «*Шпана есть шпана, на коварство, наглость и нахрапистость ответные качества появляются, соревнование в обмане, подвоах и наглости идет, с годами способность к сопротивлению, к отстаиванию своего достоинства, тело и душа совершенствуются*» (Без приюта); «*Я хитрил сам с собой, обманывал самого себя и, странное дело, верил в обман, может быть, оттого, что больше мне верить не во что было*» (Где-то гремит война).

В приведенных выше примерах обман в какой-то мере необходим, потому что помогает подростку выжить.

В письмах В.П. Астафьева существительное *обман* выражает резко отрицательную оценку того, как проходила война, и действий государственных деятелей, которые совершают грех против Бога и народа.

В следующем примере, номинация *обман* находится в однородном ряду с такими словами, как *ложь* и *самолюбование*, которые усиливают негативную оценку прошедшей войны: «*Я не люблю вспоминать ни войну, ни ветеранов наших, ни тем более оголтелых командиров. Все ложь, самолюбование и обман*» (1990 г. (Адресат не установлен)).

Номинация *обман* также связана с темой политики: «*На самом же деле его давно нет, и большевистский обман постепенно приобрел окраску голубого цвета, а дурман пролетарской демагогии и атеистической пропаганды таким ладаном густым закадил, что уж самих кадильщиков в здании на Старой площади сделалось не видно <...> А это самый подлый обман и есть, самый страшный грех против Бога и своего народа <...>*» (3 января 1992 г. Красноярск (В.Я. Курбатову)).

Таким образом, степень негативной оценки, которая репрезентируется лексемой *обман* в текстах В.П. Астафьева, различна: в жизни подростков обман не приветствуется, но допускается, в общественно-политической и духовной жизни страны обман оценивается резко отрицательно.

Слово *выдумка* из лексического подмножества «Ложь. Домысел. Обман. Ошибка» тоже значимо в проанализированных текстах. В РСС у этой лексемы выделяются три значения: 1) ‘ложь, то, что выдумано’; 2) ‘изобретение, затея’ (разг.); 3) ‘изобретательность, творческие способности’.

Для подмножества «Ложь. Домысел. Обман. Ошибка» актуальным является первое значение слова *выдумка*. Оно, как и *обман*, репрезентирует уверенность автора в недостоверности излагаемой информации, в рассмотренных текстах выражает отрицательную оценку, но не столь категорично, как существительное *обман*.

Творчество В.П. Астафьева во многом автобиографично. Истоки его прозы восходят к личному духовному опыту, поэтому он часто отрицательно

оценивает выдумки в произведениях. Для автора лучше, чтобы выдумки в тексте не было вообще или бы она присутствовала в небольшом количестве: «Это рассказ “В новую семью”. Может быть, он получился лучше других потому, что тема близка сердцу и **выдумки** в нем нет» (9 декабря 1952 Чусовой (В.А.Черненко)); «Я лично за то, чтобы меньше было **выдумки**. Мне кажется, для мальчишки и этих испытаний достаточно» (22 ноября 1953 г. Чусовой (В.А.Черненко)).

В значении ‘изобретение, затея’ слово *выдумка* уже не содержит отрицательных коннотаций: «*Настал самый напряженный и ответственный момент в жизни – выбор голящего. Здесь братва пускалась на всевозможные **выдумки**...*» (Гори, гори ясно).

В этом фрагменте текста затронута тематика игры, описание которой сопровождается положительной оценкой. Детские игры – один из самых светлых фрагментов «Последнего поклона».

Таким образом, слова *обман* и *выдумка* в текстах писем и повести «Последний поклон» обозначают несоответствие действительности и связаны с целой шкалой оценок этого несоответствия: с *обманом* связаны резко отрицательная ироническая оценка общественно-политической и духовной жизни нашей страны, умеренно негативная оценка жизни подростков, словом *выдумки* негативно оцениваются литературные произведения и положительно – действия детей в играх.

Итак, абстрактные существительные из лексического подкласса «Модальность» в «Последнем поклоне» и письмах В.П. Астафьева маркируют и репрезентируют важные смыслы его индивидуально-авторской языковой картины мира: отношение автора к окружающей действительности, к жизни в СССР и постсоветской России, отношение к информации, не соответствующей действительности и др. Это отношение во многом

негативно, критично. Писатель с болью воспринимает несправедливость государства по отношению к собственному народу.

2.2.1. Семантика лексем *правда* и *истина* в текстах В.П. Астафьева

Слово *правда* выражает один из ключевых концептов русской ЯКМ и поэтому является одним из наиболее исследуемых слов в современной русистике. Чаще всего эту номинацию рассматривают через концептосферу русского языка [Анохина, 2009; Живаев, 2012; Зуева, 2014; Пименова, 2011; Сполохова, 2016; Шатилова, Борисова, 2017 и др.].

Данный концепт привлек внимание и китайских исследователей. Ма Чуньюй и Чжан Цзяцзюнь в статье «Концепт “Правда” (по данным национального корпуса русского языка)» проводят лингвокультурное исследование концепта «Правда» в русской языковой картине мира. Они отмечают, что данный концепт более всего раскрывается в пословичном фонде русского языка. Исследователи выявили концептуальные признаки правды, к ним относятся: божественное значение, добро и свет. Также правда определяется как земная, в таком случае она опасна, слаба и подкупна.

В фокусе многих исследований концепта «Правда» находятся паремии русского языка. Например, Т.А. Зуева исследует языковые средства объективизации концепта «Правда» в русских паремиях. Данный концепт отражает национальное и ментальное мировоззрение русского народа. Исследователь выделяет «характерные для русского сознания признаки, составляющие основу данного концепта: правда в русских паремиях четко классифицируется на правду высшую, идущую от Бога, — истину, и правду житейскую, обыденную» [Зуева, 2014: 8].

Во времена СССР номинация *правда* обладала особым общественно-политическим значением, поскольку так называлась советская газета «Правда». Это название встречается и в письмах В.П. Астафьева. Значимость

этой номинации для газеты подтверждается большим количеством употреблений: в Советском Союзе существовало 32 газеты, в названия которых было включено слово *правда*: «Горьковская правда», «Московская правда», «Лесная правда» и др.

Ю. Жуков, один из редакторов «Правды», назвал ее «самой главной газетой нашей страны, задававшей тон всей советской печати» [Жуков, 1972: 84].

Наиболее распространенным синонимом слова *правда* является слово *истина*, что указывает на символический характер этой связи в интерпретации концепта, репрезентированного этими языковыми единицами. По этой причине в нашей работе мы будем сравнивать номинации *правда* и *истина*. Большинство исследователей также рассматривают данные лексемы в неразрывной связи [Анохина, 2009; Живаев, 2012; Пименова, 2011; Спорохова, 2016; Шатилова, Борисова, 2017 и др.].

В «Русском семантическом словаре» представлено четыре значения слова *правда*: 1) ‘то, что соответствует действительности, реально существует’; 2) ‘то, что существует на самом деле, истина’; 3) ‘справедливость, добро, правое дело’; 4) ‘правдивые слова, искренняя речь’.

В подмножество «Модальность» входит слово во втором значении, однако и другие значения этой лексемы так или иначе связаны со значением реальной модальности.

В РСС также рассматриваются устойчивые разговорные выражения со словом *правда*, большинство которых относится к разговорному стилю.

В текстах автора чаще всего встречается второе из указанных в РСС значение лексемы *правда*, но мы будем рассматривать и другую семантику, поэтому обратимся к словарю Ожегова, где отмечены значения слова *правда*, не вошедшие в РСС (Повторяющиеся значения мы убрали из списка):

1) ‘справедливость, честность, правое дело’; 2) ‘то же, что правота’ (разг.); 4) ‘Вводн. сл. Утверждение истинности, верно, в самом деле’. *Я, правда, не знал этого;* 5) ‘союз. Хотя и, следует признать, что’ (разг.). *Погуляли хорошо, правда устали;* 6) ‘частица. Выражает утверждение, уверенное подтверждение’.

Чаще всего номинация *правда* в проанализированных текстах В.П. Астафьева встречается как вводное слово со значением «на самом деле»: «*И правда, на голос зорьки – зорянки, ответило сразу несколько голосов – и пошло, и пошло!*» (Зорькина песня); «*Пузырь, правда, выдулся из ноздрей у него сильный, да бабушка не видела пузыря*» (Запах сена); «*Подготовил, правда, “Васюткино озеро” для отправки, по вашему совету, в Москву и все*» (Май 1956 г. Чусовой (В.А. Черненко)).

В следующем примере слово *правда* использовано в житейском контексте. Дядя Левонтий пропил половину получки и хотел угодить жене, поэтому похвалил ее обед, задавая вопрос своим детям: «*Ну вот, съел покуда, съел полпуда. Студень как студень. Очень даже питательный, – и подмигивал: – Правду я говорю, матросы?*» (Гори, гори ясно).

В следующем предложении использовано устойчивое выражение *по правде сказать*, что означает *действительно, именно так*: «*По правде сказать, ничего он у меня не попросит, и давать ему мне ничего не приходилось, потому как живет он при родителях и все у него есть*» (Гори, гори ясно).

Как мы отмечали ранее, большинство исследователей при анализе номинации *правда* обращают внимание на паремии. В «Последнем поклоне» В.П. Астафьева также встречается такой пример: «*Одна муха не проест и брюха – вот уж правда так правда*» (Без приюта).

Рассказ «Без приюта» – история всеми брошенного мальчика-подростка. Отмечается, что данный рассказ наиболее наполнен «элементами

устной народной речи, в частности паремиями как ярким средство речевой характеристики» [Сарсенова, 2019: 179].

Следующее употребление номинации *неправда* также входит в поговорку *Это было давно и неправда* – прост., ирон. выражает неохотное признание факта, имевшего место в прошлом, с подчеркиванием его незначительности или малой актуальности для настоящего времени: «*В одной книге я вычитал, будто жизнъ пахнет розами. "Это было давно и неправда!" – так сказали бы фэзэошиники-уркаганы. Такая жизнь, если она и была, так мы в нее не верим*» (Где-то гремит война).

Рассмотрим модусные актуализационные категории фразы: реальная модальность, прошедшее время (*было*), 3-е лицо. Здесь мы видим пессимистическое отношение В.П. Астафьева к жизни. Основной посыл фразы – недоверие, и не только к прошлому, но и к настоящему.

В письме В.Я. Курбатову писатель использует просторечное выражение *правда-матка*, что означает ‘истинная правда’: «...а браконьерщики попотчевали нас и свежей дивной стерлядкой. Чтят они автора «Царь-рыбы» за *правду-матку*, за то, что “борется” он!.. Пробыли недолго» (21 июня 1982 г. (В.Я. Курбатову)).

Тяжелая советская жизнь также раскрывается через лексему *правда*. В письме А.Н. Макарову, В.П. Астафьев рассказывает о попытках написать новую повесть «Кражा», в которой будет описано тяжелое довоенное детство детдомовских ребят. Упомянутый 1937-й год, автор сообщает о том, что правда этого года и других страшная, но написать ее – его долг как писателя: «*Годы сложные — 37-й в основном. Хочется написать правду, а правда тех времен страшная*» (29 октября 1962 (А.Н. Макарову)).

В.П. Астафьеву было очень важно через литературу донести правду до читателя. Поэтому для него неправдивый рассказ – плохой рассказ, за который ему стыдно: «*Рассказ мой сделан из старого этюда и как-то не*

получился, что-то в нем нагнетено, надумано, какая-то неправда есть, и я уж каюсь, что вынул его из стола, но было плохо с деньгами» (29 марта 1965 г. Пермь (А.М. Борщаговскому)).

В следующем примере мы также видим, что правда для автора всегда стоит на первом месте. Следует обратить внимание на то, что номинация *правда* используется со словом *жизнь*, что говорит нам и об автобиографичности его произведений: «*Я ведь не наставление по соблюдению церковных треб пишу, а повесть, где правда жизни главное всего*» (1 августа 1988 г. Овсянка (Р.А. Балакшину)).

С большим уважением В.П. Астафьев относился к прозе коренных сибиряков. Он считал, что у «нас» сочный и богатый язык и грубоватый, *неподмазанный* юмор, а самое главное: «... не вымученная, не выставленная напоказ честность и *правда*. *Правда* непосредственная, неотразимая, как жизнь <...> Такова уж она, настоящая *правда* <...> эта “исповедальная проза”» (16 апреля 1969 г. Вологда (В. Колыхалову)).

В данном примере автор три раза в одном контексте использует слово *правда*. В первом случае, лексема стоит в однородном ряду с честностью, что говорит о положительных коннотациях номинации *правда*. Во втором случае, слово сопровождается прилагательными с положительным значением: *непосредственная, неотразимая*. В третьем случае, в значение был вложен компонент божественного, исповедального: настоящая *правда* – исповедальная проза.

Правда является высшей ценностью для В.П. Астафьева, в то же время он отмечает, что если писатель правдив в своих произведениях, то в реальной жизни он может за это пострадать: «*Много нервов, много сил взяла эта «редактура», на душе было горько и пусто, недоумение брало — уж если это режут и порют, то что же тогда будет, если поплотнее навалиться на то,*

что называется правдой? Страшна она, матушка, ох страшна!» (14 июня 1976 г. Сибла (В.Я. Курбатову)).

В письмах В.П. Астафьева часто связаны тематика денег и литературы: если ты пишешь правду, не угодную вышестоящему, то тебе не платят. Рассмотрим некоторые примеры: «*Краснобайство, пустословие и ложь криводушная оплачиваются лучше, чем горькая правда*» (9 октября 1985 г. (Ф.Р. Штильмарку)).

В данном предложении номинация *правда* использована вместе с прилагательным *горькая*, это устоявшее выражение означает правду, которую не хотят слышать, потому что она не желательна. Также лексема *правда* здесь противопоставлена целому ряду существительных: *краснобайство, пустословие и ложь криводушная*.

В следующем примере слово *правда* используется в кавычках и отражает отношение руководства ко лжи, настоящая правда хоть и нужна людям, но ее не «пропуснят» в свет: «...что “*правда*” твоя, да еще про “великую” стройку, никому не нужна и никто ее не напечатает» (11 ноября 1987 г. (В. Винокурову)).

В.П. Астафьев был верующим человеком, и для него такие ценности, как добро и правда, были первостепенны не только в жизни, но и в творчестве. В письме Р.А. Балакшину он пишет, что боится гнева божьего, но хочет отмолить грехи: «*Страяясь делать добро, писать только правду и “по правде”, наверное, хоть чуть-чуть искуплю вину свою и нашу*» (1 августа 1988 г. Овсянка (Р.А. Балакшину)).

Две ценностные категории «правда» и «искренность» автор ставит в однородный ряд в письме А.М. Макарову, где он рассуждает о заумных рецензиях критиков: «*Впрочем, у нас даже о таких понятиях, как правда, искренность, умели и умеют такое напутать, что потом всей деревней не разберешь, где уж чего*» (Март 1966 г. (А.М. Макарову)).

Отметим модусную актуализационную категорию времени в этом предложении: прошедшее и настоящее время, выраженное словами *умели* и *умеют*, означает постоянство в таких действиях.

Далее автор даже сравнивает такую литературную манипуляцию с войной: «*Прямо, как на войне — отвлекающий маневр, изготовление ложных позиций и стрельба по ним пустыми болванками*» (Там же).

Война для Астафьева – тяжелое время. Но и в своих художественных произведениях, и в рассуждениях, представленных в письмах, он всегда старался донести до читателя и адресата только правду. Побывав на войне как рядовой солдат, он видел ту настоящую окопную правду, которую и отразил в своих текстах.

Пр.: «*Но это уж мои претензии личные, а так вещь смелая, и не напрасно она взбудоражила хевру, которая утвердила в литературе генеральско-полковничью правду о войне и считает ее единственно верной, а она всего лишь ширма с позолотой, которой надлежит скрыть правду окопную, солдатскую от которой и на лысых генеральских головах волосы бы зашевелились!*» (8 августа 1967 г. (А.М. Борщаговскому)).

В приведенном выше примере мы видим два употребление слова *правда*, но с разными оттенками в значениях:

- 1) Генеральско-полковничья правда о войне, здесь номинация *правда* используется с негативной коннотацией и со значением ‘ложь для простых солдат, но правда для воров’ (хевра – ‘воровская компания’ [Словарь воровских жаргонов, 1991: 191]).
- 2) Правда окопная солдатская – та, настоящая правда, которую ото всех скрывают.

Следующий пример мы уже рассматривали в подпараграфе «Семантика лексем “цель” и “причина” в текстах В.П. Астафьева». Здесь мы обращаем внимание на мысли автора о скрытии военной правды от

простого народа: «Значит, есть причины не говорить *правду*, а причина-то, в общем, одна: наши колоссальные потери на Днепре... (Март 1978 г. (Е.В. Бахтину)).

Тема правды на войне постепенно переходит в тему правды в политике. Автор в данном контексте ставит в один ряд не только вещи, важные для физической жизни человека: *харчи* (еду), *жилье*, *удовольствия*, – но и нравственные ценности, без которых, человек тоже не выживет: *правду* и *нравственность*: «*Может, наши мудрые руководители правильно делают, что держат народ в проголодь? Во всем: в харчах, в правде, в жилье, в нравственности, в удовольствиях*» (15 февраля 1982 г. (В. Юровских)).

Как уже было отмечено в диссертации, семейная тема – одна из основных тем для В.П. Астафьева. Он всегда относился с теплотой к своей жене Марии Семеновне. В письме к неизвестному адресату он пишет о своей болезни, отмечая, что его жена «*такая женщина, каких не на всяком меридиане земного шара найдешь. Редкостного ума, такта, душевности, и готова за меня голову свою отдать и сердце вынуть, если надо. Это не красивые слова, а правда*» (12 декабря 1963 г. (Адресат не установлен)).

Номинация *правда* здесь использована как антоним словосочетанию *красивые слова*, которые часто являются ложью.

В письме в редакцию «Московские новости» номинация *правда* содержит положительные коннотации. *Правда* в данном тексте – святое слово, которое противопоставлено грязному и нечистому помыслу. В.П. Астафьев считает, что историки, в частности Василий Морозов и Александр Самсонов, не имеют права «*...прикасаться к святому слову “правда”, ибо от прикосновения их нечистых рук, грязных помыслов и крючкотворного пера оно, и без того изрядно у нас выпачканное и искривленное, пачкается и искается еще больше*» (Апрель 1983 г. (В редакцию газеты «Московские новости»)).

Далее в этом же письме автор подробно разбирает труд уже упомянутых историков: «*И таким образом существуют две **правды** о прошлой войне: одна ихняя и одна наша, но все эти “**правды**” очень далеки от истины*» (Там же).

В этом предложении употреблены две лексемы: *правда* и *истина*. Их значения противопоставлены. Слово *правда* встречается дважды, второй раз оно заключено в кавычки, что совершенно переворачивает его основное значение: «*правда*» в этом контексте обозначает неправду, это значение усиливается и формой множественного числа: «*правды*». Таким образом, в контексте рассматриваемого предложения слово *истина* равноценно слову *правда* в первом значении.

Следует отметить, что номинация *правда* наиболее часто используется в письмах автора 90-х годов XX века, уже после распада СССР. Например, в письме А. Михайлову от 14 января 1995 г. слово *правда* используется 6 раз в контексте темы войны: «*Всю **правду** знает только народ*» (14 января 1995 г. (А. Михайлову)).

В следующем письме мы также видим рассуждения автора о попытках рассказать правду о войне: «...кто *пытался* и еще *пытается* сказать *правду* о войне» (Лето 1995 г. (Куликовскому)).

Вместе с тем В.П. Астафьев предостерегает от того, чтобы информация, которая выдается за правду, дестабилизировала российское общество после раз渲ала СССР в трудные девяностые годы двадцатого века. Так, в открытом письме губернатору Красноярского края В.М. Зубову он критикует «Красноярскую газету», редактором которой является Олег Пащенко: «*Газета, издающаяся на уровне боевого листка какого-то зачуханного армейского дисбата, объявляет себя единственной в крае, которая пишет и проповедует **правду**, разоблачает врагов, а во враги ее*

попали уже все более или менее достойные люди края и города Красноярска» (14 марта 1995 г. Красноярск).

Это письмо пронизано иронией, доходящей до сарказма, в нем сочетается сниженная (просторечная и жаргонная) и высокая (книжная и церковная) лексика: *зачуханный, дисбат – проповедовать, разоблачать*. В диссертации уже было отмечено, что В.П. Астафьев в своих художественных и эпистолярных текстах, переворачивая значение высокой лексики, употребляет ее для выражения негативной ироничной оценки.

Рассмотрим номинацию *правда* в контексте названия газеты.

Как мы уже отмечали, газета с названием «Правда» играла важную роль в Советском Союзе. Она выражала доминирующее мнение элиты и обладала властью что-то изменить в жизни общества и конкретных людей, поэтому В.П. Астафьев через эту газету хочет заставить властей решить проблему с ремонтом жилья: *«Скоро я буду делать обзор писем, поступивших на мое выступление в газете “Правда” в ноябре прошлого года, и постараюсь через газету «надавить» на одесские власти и постараюсь, как смогу, помочь Вам с ремонтом жилья»* (12 марта 1986 г. (Адресат не установлен)).

В следующем примере писатель негативно оценивает газету «Правда», описывая ее как место, где превозносят Сталина: *«...пусть и “Правду”, где от первой до последней страницы возносил он Великого вождя...»* (13 декабря 1987 (Адресат не установлен)).

С резкой критикой газеты «Правда» обратился В.П. Астафьев в письме к ее главному редактору с 1993 по 1994 годы В.А. Линнику: *«...я увидел воочию, что эту газету, как черного кобеля, не отмоешь добела — была “Правда” кривдой, кривдой и осталась...»* (14 января 1994 г. Красноярск (В.А. Линнику)).

В процитированном выше письме В.П. Астафьев выражает свое разочарование по поводу того, что газета «Правда» не изменилась после того, как В.А. Линник, которого он считал порядочным и честным человеком, стал ее редактором. Отметим также, что в данном примере отрицательная оценка газеты «Правда» репрезентирована с помощью антонима *крикда* и поговорки *черного кобеля не отмоешь добела*. С помощью этих языковых средств автор письма распространяет негативную оценку на все события, описанные в тексте.

Лексема *истина* не так часто используется в проанализированных в диссертации текстах В.П. Астафьева. В РСС выделено пять значений данного слова: 1) ‘то, что реально существует, действительность’; 2) ‘соответствие объективно данному, действительно существующему положению вещей, реальности’; 3) ‘верное отображение в сознании того, что существует объективно’; 4) ‘то же, что правда’; 5) ‘утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом’.

В проведенном в диссертации анализе внимание обращается на синтагматику слова *истина* – его сочетаемость с другими словами текста.

Пр.: «*Нарочно дробят, запутывают простые истины, загоняя тем самым литературу по углам, давая магистраль сиюминутным приспособленцам и бездарям, умеющим тут же и на все откликнуться, отразить, ‘осмыслить’*» (Сентябрь 1974 г. Винница (жене)).

В этом письме жене Виктор Петрович негодует по поводу того, что в газетах пишут бессмыслицу, не давая действительно стоящему искусству развиваться. Прилагательное *простой*, которое согласуется с существительным *истина* и характеризует обозначенное этим существительным понятие, указывает на то, что *истина* не оценивается автором как что-то сложное и фундаментальное, наоборот, по его мнению, *истина* заключается в простых смыслах:

В следующем примере номинация *истина* используется вместе с прилагательным *старая*. Это говорит о том, что понятие *истина* несет в себе значение мудрости: только мысль, связанная с большим опытом, может стать истиной: «*Видно, одну старую истину он все же помнит: что голодный и недовольный народ никому не нужен* (5 января 1967 г. (А.Н. Макарову)).

В повести «Последний поклон» слово *истина* встречается дважды, и в каждом употреблении имеет свои отличающиеся дополнительные значения.

В первом случае эту номинацию будто бы произносит щенок Шарик, который слушает бабушку и соглашается с ее словами. Лексема *истина* в данном контексте приобретает коннотацию юмористической оценки: «*Шарик, которого бабушка звала насмешливо ангелом-хранителем, внимательно ее слушал и со всем, как есть со всем, что она говорила, соглашался и, как бы подводя итог, стучал хвостиком: “Совершенная истина!”*» (Ангел-хранитель).

Во втором примере, лексема стоит в однородном ряду с такими словами как, *тайна, бытие, неизбежность*. Все слова этого ряда имеют философское, фундаментальное значение: «*И словно бы сейчас вот, во время самой желанной женской работы, в уединении и в отрешенности от людей бабушка постигала какую-то, нам неведомую, истину, разгадала тайну земного бытия и ясновидяще зрела неизбежность, всех нас ждущую, тихую, печальную неизбежность, похожую на это деревенское предвечерье*» (Пеструх).

Итак, в ходе исследования мы рассмотрели две синонимичные номинации: *правда* и *истина* – и выявили, что лексема *правда* используется автором намного чаще, чем слово *истина*.

Важные темы, в которых употребляется номинация *правда*: жизнь писателя, быт его героев, семья, советская власть, политика, детдом, довоенное время, литература, война.

В «Последнем поклоне» и письмах В.П. Астафьева номинация *правда* часто обладает положительными коннотациями и обозначает нечто божественное, исповедальное. Вместе с тем в контекстах, связанных с военной темой, правда оценивается автором как горькая, такая, которую трудно принять. Власть не хотела признавать правду и рассказывать о ней, потому что тогда авторитет власти будет утрачен. А простой народ не хотел вспоминать правду, так как правда военных лет ужасающа и чудовищна.

Лексема *истина* почти не употребляется автором. Но и в тех примерах, которые мы рассмотрели, можно отметить двойственность этого понятия. С одной стороны, истина – это что-то простое, мудрое, а с другой – философское и фундаментальное.

2.3. Подкласс «Ценностность, ее критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда»

В данном разделе представлены результаты анализа номинаций из подкласса «Ценностность, ее критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда». В лингвистике данный подкласс рассматривается через ценностную картину мира, поэтому некоторые работы мы сейчас рассмотрим.

Ценности являются основой для аксиологического направления в современной лингвистике. В нашей работе аксиологический аспект важен, так как он рассматривает взаимоотношение личности с окружающей ее реальностью и закрепляется в языке и сознании человека в виде ценностной картины мира. Ценностная картина мира понимается как «совокупность знаний о ценностной значимости объектов явлений внешней действительности» [Еременко, 2012: 4]. Она развивается под влиянием стереотипных и национальных особенностей общества, моральных устоев, которые передаются от поколения к поколению.

Одним из крупнейших аксиологических исследователей является В.И. Карасик. Он считает, что «комплексное исследование ценностей в языке возможно при изучении ценностной картины мира, выделяемой как компонент языковой картины мира» [Карасик, 2002: 117].

В теории ценностной картины мира В.И. Карасик выделяет следующие положения [Карасик, 2002: 117-118]:

- В ценностной картине мира в языке различают общечеловеческую и специфическую части. Специфика последней заключается в различиях в номинации объектов, в оценочном отношении к ним, в комбинации ценностей.
- Ценностная картина мира в языке представляет собой систему взаимосвязанных оценочных суждений, отражающих юридические, религиозные, моральные кодексы народа-носителя языка.

В ценностной картине мира имеются ценностные доминанты, наиболее существенные для культуры смыслы, определяющие тип культуры, хранимый в языке и транслируемый будущим поколениям.

В словаре Н.Ю. Шведовой подкласс «Ценностность, ее критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда» делится на 5 лексических множеств: 1) «Собственно ценность, значимость, ее критерии»; 2) «Соотношение по ценности, первенству»; 3) «Добро. Польза. Красота»; 4) «Зло. Вред. Трудность. Бремя. Преграда» (с дальнейшим разветвлением); 5) «Социальная ценность, общественная оценка».

Количественное сопоставление в таблице 9 показывает, что в письмах В.П. Астафьева абстрактные номинации используются чаще, чем в прозе, однако количество лексико-семантических рядов, включающих абстрактные номинации, в письмах и художественном тексте одинаково.

Таблица 9. Количественное сопоставление проанализированных языковых единиц в подклассе «Ценностность, ее критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда»

Анализируемый текст	Количество лексико-семантических рядов, включающих абстрактные номинации	Количество абстрактных номинаций (лексико-семантических вариантов, словозначений)
Последний поклон	7	19
Нет мне ответа...	7	24

Лексический подкласс «Ценностность, ее критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда» в РСС включает 7 подмножеств, каждое из которых имеет свое название в словаре и обозначается цифрой от 163 до 169.

В таблице 10 представлены все лексические подмножества, в проанализированных в диссертации текстах писателя.

Таблица 10. Наполненность лексических подмножеств, составляющих лексический подкласс «Ценностность, ее критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда», в РСС и в текстах В. П. Астафьева

Номер подмножества в РСС	Наименование подмножества в РСС	Количество единиц, входящих в подмножество		
		В РСС	В письмах В.П. Астафьева	В произведении «Последний поклон» В.П. Астафьева
163	Собственно ценность, ее критерии	25	7	4
164	Соотношение по ценности, первенству	15	3	1
165	Добро. Польза. Красота	23	4	5
Номер подмножества в РСС	Наименование подмножества в РСС	Количество единиц, входящих в подмножество		
		В РСС	В письмах В.П. Астафьева	В произведении «Последний поклон» В.П. Астафьева
166	Зло. Вред. Утрата. Ущерб	21	1	3
167	Бремя. Гнет. Тягость	19	1	2
168	Преграда. Помеха. Трудность. Осложнение	29	1	1
169	Социальная ценность, общественная оценка	27	7	3

Тема литературы – важная тема для творчества и жизни автора. Особенно это проявляется в употреблении номинаций данного подкласса.

Номинацию *идеал*, обозначающую высшую степень положительной оценки, В.П. Астафьев употребляет в письме, адресованном жене и детям. Он пишет о поэте и редакторе издательства «Молодая гвардия» В.Д. Федорове, который, как поэт, был идеалом для В.П. Астафьева, но в роли редактора его разочаровал из-за неадекватной оценки повести «Звездопад»: *«И не потому только, что с повестью так получилось (в ней-то я совершенно уверен), а просто по-человечески обидно, когда рушится идеал на глазах... А я ведь еще не совсем потерял веру в такую старинную штуку, как идеал»* (1960 г. Москва (Жене и детям)).

Писатель часто рассуждает о высоком предназначении русской литературы. Так, в письме А.Н. Макарову В.П. Астафьев пишет о том, что главное ее достоинство – любовь: *«Русской литературой всегда двигала любовь<...> Не дай бог нашей литературе утерять ее самое главное достоинство»* (5 января 1967 г. (А.Н. Макарову)).

В следующем письме Виктор Петрович сообщает, что уходит из редколлегии «Нашего современника» в «Новый мир», и советует новому главному редактору с честью и достоинством относиться к журналу и его работникам. В данном случае номинация *достоинство* выражает положительную оценку великой русской литературы: *«Желаю немногого — стойкости, бережного отношения к штатам журнала, любым, хоть замам, хоть рядовым работникам, ведения журнала с достоинством, свойственным великой русской литературе, не переходите на базарный ор и бабий визг»* (23 февраля 1990 г. Красноярск (С. Куняеву)).

Литературное дело для В.П. Астафьева – жизненно важный элемент любого общества. В следующем письме он сравнивает просвещение с пищей, говоря о том, что по значимости и важности, литература не уступает делу,

которое кормит народ. Две интересующие нас номинации, *значимость* и *важность*, употребляются автором с положительными коннотациями: «*Я думаю, у общественности города Кургана достанет ума понять, что накормить народ досыта — дело непременное, большое, но не дать окончательно одичать этому самому народу, поддержать его духовно, помочь разуму и просвещению страны — дело не меньшей значимости и важности*» (4 марта 1996 г. Красноярск).

Как мы уже говорили в прошлых параграфах, В.П. Астафьев нередко возвышает классиков русской литературы Толстого, Достоевского. В письме А.М. Борщаговскому автор восхищается романом Достоевского «Братья Карамазовы». В контексте этого письма номинация *величие* стоит в однородном ряду с такими словами, как *мука* и *слабость*, ведь этот перечень относится к познанию русского человека: «*Вы же русский человек, и в Достоевском вся наша боль, все наши муки, все наши слабости и наше величие*» (4 июня 1963 г. (А.М. Борщаговскому)).

В приведенном выше письме стоит обратить внимание на модусную категорию персонализации: значение 1-го лица здесь выражено притяжательным местоимением *наши* (*наши муки, наши слабости, наше величие*).

Что касается писателя как элемента литературного мира, то Виктор Петрович дает ему следующую характеристику: «...*а писатель — “зверина” чуткий, он всякое неуважение или фальшивь чувствует кожей...*» (15 июня 1975 г. Сибла (А.И. Щербакову)).

В этом письме употребляется номинация *неуважение*, которая репрезентирует отрицательное отношение автора, в особенности в однородном ряду со словом *фальшивь*.

Тематика природы рассматривается В.П. Астафьевым через номинацию *красота*, которая обозначает положительную эстетическую

оценку: «*а я сходил с ума от красоты и простора земли нашей и еще подивился раз людям, которые теснятся и суетятся в городах, а столько у нас пустой и прекрасной земли!*» (1965 г. Быковка (Адресат не установлен)); «*Красота такая, что дух захватывает и никаких слов не хватает, чтобы эту мощную красоту описать*» (20 сентября 1967 г. Овсянка (А.М. Борщаговскому)); «*Река Мана изумительной красоты. Дух захватывает, и никаких слов нет, чтобы таковую красоту описать*» (21 сентября 1967 г. Овсянка (А.Н. Макарову)).

Отметим в приведенных выше примерах слова, которые усиливают положительное отношение автора к природе родной земли: *сходил с ума, мощная, дух захватывает, изумительная*.

Как уже было отмечено в предыдущих разделах диссертации, для В.П. Астафьева важной является тема политики.

В следующем примере лексема *идеал* употребляется вместе с прилагательным *высокий*, усиливающим положительную оценку, выраженную данной номинацией. В этом письме комиссары выступают как антигерои, которые предали свои «высокие идеалы»: «*Комиссары испоганились, заворовались, одичали, предали свои высокие идеалы за булку с маслом*» (1 августа 1988 г. Овсянка (Р.А. Балакшину)).

Одной из основных астафьевских претензий к политикам и властям является то, что они с презрением относятся к деревне и местной культуре, не ценят природу, уничтожают ее строительством ГЭС, затапливают деревни, стоящие на берегу Енисея: «...но современное начальство, вышедшее из прошедшего большевизма, не понимает, как и прошлое не понимало, значения местной культуры, презирает ее...» (3 марта Красноярск (И.Н. Гергелю)).

После распада СССР тяжело пришлось каждой организации, это касается и Союза писателей России: «...ибо от родного Союза

провинциальные организации давно уже никакой пользы и помощи не имеют» (20 июня 1996 г. Красноярск (В секретариат союза писателей России)).

Особое значение номинации *польза* В.П. Астафьев придает в повести «Последний поклон». Главный герой оказался на грани жизни и смерти, и думая, что наступили последние минуты жизни, рассуждает о том, что много еще не успел сделать, а самое главное – не принес пользы людям: *«Я еще не окончил фэзэо, еще никакой пользы людям не сделал, той пользы, ради которой родила меня мать и растили меня, сироту, люди, отрывая от себя последний кусок хлеба»* (Где-то гремит война).

Что касается номинации *достоинство*, то в «Последнем поклоне» она сопровождается рядом характеризующих прилагательных. Например, в рассказе «Гори, гори ясно» слово *достоинство* употребляется с прилагательными *солидное и хозяйское* с ироническим подтекстом, так как объект этого достоинства – дядя Левонтий, который пропил половину получки: *«Рубанув ложкой по лбу шебурилившую дочь, дядя Левонтий, пропивший половину получки и дождавшийся момента, чтобы выслужиться перед женой, говорил с солидным хозяйственным достоинством»* (Гори, гори ясно).

Далее рассмотрим фразу *мужское достоинство*, которым обладал дед главного героя. В описании присутствует характеристика этого мужского достоинства: не делать ничего бабьего и ребяческого: *«...дед хранил мужское достоинство и ничего бабьего и ребяческого по двору не делал...»* (Пеструха).

Что касается достоинства женщины, то оно характеризуется такими словами, как *гордое и дикое*: *«Лишь в глуби ее взора таится гордое и дикое достоинство»* (Пир после Победы).

Тема национального достоинства русского человека рассматривается через ряд словосочетаний: человеческое достоинство, национальное достоинство, достоинство человека, включая саму номинацию *достоинство*.

Рассуждая о своей биографии, В.П. Астафьев говорит о том, что часто о ней врут или говорят только о «выигрышных» моментах (тяжелом детстве, войне). Следовательно, автор делает вывод о том, что такие поступки обесценивают личность литератора, и постепенно и общественное достоинство: *«Так маскируют трагедию личности и литератора, значит, и всего общества, так охотно и поспешно теряющего свое нравственное и национальное достоинство»* (1973 г. (Н. Волокитину)).

В письме А.М. Борщаговскому рассматривается оппозиция «свои – чужие», где «чужие» – это латыши, которые живут лучше, чем «свои» – русские. Это очень сильно расстраивает автора: *«...как мы, русские, отстали даже от латышей в почитании человеческого достоинства, как мы плохо живем, как низменны в помыслах своих и житейских бурях»* (20 сентября 1967 г. Овсянка (А.М. Борщаговскому)).

Поездка в Югославию в 1968 году приносит В.П. Астафьеву негативные эмоции по поводу положения в своей стране. Он отмечает, что хорошо и уверено себя чувствует на чужой земле, и ему горестно от того, что на Родине он не может чувствовать себя достойным гражданином: *«Как жаль, что за утверждением собственного достоинства и достоинства своего народа стало необходимо ездить за границу»* (Июнь 1968 г. (А.М. Борщаговскому)).

В разрушении национального достоинства В.П. Астафьев винит советских политиков. Но, как истинный русский народ, по словам автора, мы обладаем непоколебимым терпением, которое тоже не вечно. Важно обратить внимание на то, что фраза *наше национальное достоинство* имеет в следующем контексте синоним – *родовой недостаток*, следовательно,

достоинство оценивается автором неоднозначно: «*Разрушив основу основ, они и себя тут же приговорили к гибели, и только стоит удивляться, что и они, и мы еще живы, но это уже за счет сверхвыносливости и сверхтерпения русского народа, а оно не вечно, даже оно, наше национальное достоинство, или родовой наш недостаток*» (13 марта 1991 г. Красноярск (В.Я. Курбатову)).

В следующем примере употребляется две важные для нас номинации: *совершенство* и *достоинство человека*. Данное письмо – некий перечень недовольств В.П. Астафьева по поводу советской власти. Следует отметить, что номинация «*совершенство*» употребляется в ироническом контексте и с негативными коннотациями, а фраза «*достоинство человека*» выражает отношение писателя к социальному положению в стране: «*Ни в одном известном нам государстве система унижения человека не доведена до такого совершенства, как у нас, в государстве рабочих и крестьян, где гражданские права и достоинство человека гарантируются и вроде бы охраняются Конституцией, многими законами и постановлениями*» (1987 г. Секретарю ЦК КПСС т. А.Н. Яковлеву, Министру финансов т. Б.И. Гостеву, Секретарю правления Союза писателей СССР т. В.В. Карпову).

Отметим в приведенном выше примере квалификативную категорию модуса персуазивность, выраженную частицей *вроде бы*: «*вроде бы охраняются*». Мы видим здесь неуверенность, а точнее – иронию автора относительно действующего законодательства.

В своих письмах В.П. Астафьев автора поднимает тему не только русского человека в целом, но и тяжелой доли русской женщины. Писатель рассматривает феномен русской женщины на примере своей жены Марии, которая родилась в большой рабочей семье и с достоинством переживала тяготы жизни: «*Баба моя из девятирейтной рабочей семьи, маленькая, характером твердая, и все тяжести пали в основном на нее*» (26 июля 2000 г. (С.Новиковой)).

С теплотой и любовью Астафьев рассказывает своей жене Виктору Самуйлову, характеризуя ее так: «У меня жена — солдатка, вечный мой спутник и ангел-хранитель, да еще помощник<...> Идет пятьдесят пятый год, как мы вместе, и в этом не моя, а ее заслуга» (3 февраля 2000 г. Красноярск (В. Самуйлову)).

В «Последнем поклоне» В.П. Астафьев употребляет слово *ценность* для обозначения материальных вещей. В рассказе «Монах в новых штанах» главному герою Вите сшили отличные новые штаны, которыми он очень гордился. А самое главное – у этих штанов есть прочный карман, в который можно спрятать любую ценность. Что же является ценностью для главного героя? Это бита-бабка для игры и деньги: «Рука моя в кармане, и я хожу по селу и не вынимаю руку, если что надо, положить – биту-бабку либо деньги, – я кладу только в карман, из кармана уж никакая *ценность* не выпадет и не утеряется (Монах в новых штанах).

Далее в этом же рассказе рассматривается еще одна ценность – леденцы или *лампасье*. Отметим, что в этом примере употребляется усиительное слово – *наиценнейшие*: «Дело в том, что в китайской шкатулке хранятся *наиценнейшие* бабушкины *ценности*, в том числе и леденцы, которые в магазине назывались монпансье, а у нас попроще – лампасье или лампажики» (Монах в новых штанах).

Итак, проведенное исследование показало, что подкласс «Ценность, ее критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда» более детально представлен в письмах автора, поэтому большинство примеров, рассмотренных в данном разделе, взято из них. Именно в письмах В.П. Астафьев чаще использует абстрактные существительные для выражения оценки.

Более всего употребление абстрактных лексем, обозначающих ценность и ее критерии, представлено во фрагментах текстов, темой

которых является литература. С литературной тематикой связаны следующие номинации: *достоинство, идеал, значимость и важность*, – все они выражают только положительную оценку.

Также большое количество номинаций со значением ценности затрагивают тематику познания русского человека, его жизненных ценностей, сущности его величия и идеала. В.П. Астафьев выражает особое отношение к достоинству русских людей: по его мнению, на родине им трудно проявить свое достоинство, что обусловлено действием государственной и местной власти.

В текстах В.П. Астафьева большая часть абстрактных номинаций со значением ценности относится к психической и социальной сферам, однако в «Последнем поклоне» лексическая доминанта рассматриваемого подкласса существительное *ценность* репрезентирует предметы физического мира.

2.3.1. Семантика слов *добро* и *зло* в текстах В.П. Астафьева

В большинстве лингвистических исследований семантические особенности слов *добро* и *зло* рассматриваются через соответствующие концепты. Концепты «добро» и «зло» являются основой культурного восприятия мира. Что касается русской языковой картины мира, то в ней есть и универсальные суждения о добре и зле, и свои национальные особенности, отличающие русскую ЯКМ от универсальной картины мира.

Каждый из нас имеет свое мнение об окружающем мире, разделяя его на хорошее и плохое, где *добро* – это ‘все положительное, хорошее, полезное’, а *зло* – это ‘все отрицательное, вредное, противоположное добру’.

Эти определения взяты из РСС Н.Ю. под редакцией Н.Ю. Шведовой, они отлично показывают основную сущность данных понятий и входят в

лексические подмножества «Добро. Польза. Красота» и «Зло. Вред. Утрата. Ущерб».

Кроме того, в «Русском семантическом словаре» выделены и другие значения этих лексем. *Добро* – это 1) ‘доброе, отзывчивое, человеколюбивое чувство’; 2) ‘положительное нравственное начало, добре отнoшение к кому-чemu-н. и порождаемые таким отnошением положительные поступки’; 3) ‘положение вещей, приносящее пользу, благоприятное стечеие обстоятельств’; 4) ‘имущество, вещи’ (разг.).

По данным РСС, *зло* – это 1) ‘злое, открыто недоброжелательное чувство, злоба’; 2) ‘беда, несчастье, неприятность’; 3) ‘недоброе, плохое отnошение к кому-чemu-н. и порождаемые таким отnошением злобные поступки’.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой выделены другие компоненты в значении данных лексем.

Добро: 1) ‘нечто положительное, хорошее, полезное, противоположное злу’; 2) ‘имущество, вещи’ (разг.); 3) ‘о ком-чем-н. плохом, негодном’ (разг. пренебр.).

Зло: 1) ‘нечто дурное, вредное, противоположное добру’; 2) ‘беда, несчастье, неприятность’; 3) ‘досада, злость’.

Мы видим, что появились новые компоненты в значениях обоих лексем. *Добро* понимается так же, как имущество или вещь, и даже имеет в третьем значении отрицательные коннотации и употребляется, когда следует сказать о чем-то плохом. Что касается лексемы *зло*, то здесь негативные компоненты в значении сохраняются, только добавляются синонимичные смыслы: ‘несчастье’, ‘злость’.

Как мы уже отметили, данные лексемы рассматриваются исследователями через концептосферу. Обратимся к работе Бурчинского и

Медведевой «Концепты "Добро" и "Зло" в русской языковой картине мира и в романе Владимира Дудинцева "Белые одежды"», где выделяются особенности названных концептов.

Концепт «Добро» характеризуется как наиболее общее оценочное понятие, обозначающее позитивный аспект человеческой деятельности, характеризующееся положительными нравственными ценностями (искренность, благо, бескорыстие, нравственность, благочестие, стремление помочь); это отражение высшей силы в лице Бога, который является главным представителем и источником добра; к доброму относится все то, что соответствует морали, связано с такими понятиями, как счастье, любовь и свобода.

Также добро – это все то, что ассоциируется с достатком, богатством, имуществом, то есть материальными благами. Более того, добро является противоположностью зла.

Концепт «Зло» в русской языковой картине мира определяется как наиболее общее нормативно-оценочное понятие, обозначающее любой нравственно-отрицательный аспект человеческой деятельности; является противоположностью добра.

Зло может быть представлено в трех наиболее широких категориях: физической (болезни, стихийные бедствия, катаклизмы, разрушения, боль), моральной (жестокость, коварство, страдание, пороки) и метафизической (Сатана, темные силы)» [Бурчинский, Медведева, 2017: 12].

Сопоставительный анализ в таблицах 11 и 12 показывает, что номинации *добро* и *зло* преобладают в письмах автора. Если говорить по отдельности о каждой лексеме, то чаще всего автором употребляется лексема *добро* – 123 раза, а *зло* встречается 69 раз. Таким образом, номинация *добро* преобладает в ЯКМ автора, это связано с его мировидением и взглядами на жизнь.

Таблица 11. Количественное сопоставление номинации *добро* в текстах В.П. Астафьева

Анализируемый текст	Количество абстрактной номинации «добро» в анализируемых текстах
Последний поклон	60
Нет мне ответа...	63

Таблица 12. Количественное сопоставление номинации *зло* в текстах В.П. Астафьева

Анализируемый текст	Количество абстрактной номинации «зло» в анализируемых текстах
Последний поклон	31
Нет мне ответа...	38

В разделе 2.2.1. мы рассматривали номинацию *правда* и говорили о том, что она часто используется в паремическом фонде русского языка, для лексемы *добро* такое утверждение тоже актуально.

В.П. Астафьев – деревенский житель, поэтому в своих письмах он часто употребляет пословицы, поговорки, а также упоминает обряды и народные обычаи. Например, в письме А.Н. Макарову, писатель рассуждает так: «*Нонешний Касьян какой-то тяжелый для всей земли — жара, землетрясения, бури, тревоги и масса черемухи. Не к добру, говорят!*» (Май 1963 г. (А.Н. Макарову)).

Речь идет о Касьяновом дне, который в мифологии считается одним из самых опасных и страшных дней. И если в этот период случается что-то плохое, то жди беды. В письме автор использует устойчивое словосочетание *не к добру*, которое обозначает ‘зло’, что выражено при помощи использования отрицательной частицы *не*.

В письмах также встречается паремия *не бывает худа без добра*, в которую включены оба компонента: добро и зло. С помощью этой пословицы можно дать сложную оценку происходящим в жизни событиям, она утешает, указывая на то, что и в негативных ситуациях можно найти что-то хорошее. В.П. Астафьев считает, что и хвала, и хула – благо для литератора: «*Не*

бывает худа без добра, и бывают, и хвалят нашего брата на пользу только» (11 октября 1965 г. Пермь (Б.Ф. Лапину)).

В «Последнем поклоне» В.П. Астафьев тоже использует множество пословиц, в том числе и такие, в которые входит номинация *добро*: «*Давно ведомо: добро надо искать, а худо само найдется иль прикатит*» (Карасиная погибель).

Военная тема у автора тоже содержит в себе компоненты добра. В письме А.М. Борщаговскому Виктор Петрович вспоминает о том, как поехал к фронтовому другу, которого спас в бою, и отмечает: «*Люди нашего поколения умели и умеют, слава тебе Господи, ценить добро и хранить его в памяти...*» (24 февраля 1966 г. (А.М. Борщаговскому)).

В рассмотренном предложении отметим модусную актуализационную категорию прошедшего и настоящего времени, которое выражено предикатами *умели и умеют*, что говорит об оптимизме автора: он верит в людей своего времени.

Номинация *добро* также используется как элемент согласия во фразеологизме *дать добро*: «*Дело только за “небольшим”, то есть за Твардовским, если он даст добро, можно приступать к редактуре*» (Май 1968 г. Быковка (А.М.Борщаговскому)).

Деревенская жизнь – это учитель жизни автора. Он об этом неоднократно говорит не только в прозе, но и в письмах. Так, в письме И. Стрелковой автор рассуждает о том, что всегда привык благодарить за добрые поступки и слова, и этому его научила деревня: «*Я всегда и всех благодарю за доброе слово <...> И привил мне это качество не Александр Николаевич, а деревенская старая жизнь, где на драку — дракой, на добро — добром!*» (Июнь 1974 г. (И. Стрелковой)).

Творить добро Астафьева научила не только деревня, но и русская литература. Неизвестному адресату он рассказывает о своей поездке в Ясную

Поляну, где похоронен Лев Николаевич Толстой: «... чувство зрелого возраста вселилось в меня тогда, и думалось мне, что я способен и буду делать добро, только добро...» (1978 г. (Адресат не установлен)).

Вместе с тем художественные и эпистолярные тексты В.П. Астафьева часто пронизаны злобой и болью, особенно по отношению ко всем, кто плохо относится к природе: «*В них, правда, зла больше, чем рыбы, но куда же деваться-то?*» (1 ноября 1984 г. (В.Я. Курбатову)).

В одном из писем, где он отвечает на анкету читателей, писатель даже предлагает пути спасения природы от зла: «*Но приуменьшить зло возможно, начав вместе с разорением лечение земли и неба*» (1986 г. (Ответы на анкету читателей)).

Отметим в этом предложении модусные категории модальности и персуазивности, выраженные словом *возможно*: в словах В.П. Астафьева содержится некоторое сомнение, так как сам он не может быть полностью уверен в своих силах и словах. Добиться цели и победить зло можно только всем вместе.

Далее в этом же письме автор сравнивает сложившуюся ситуацию с войной. Говоря о том, что человек с ружьем ничего хорошего в мир не принес и его нужно заменить на *труженика с саженцем в руках*. Обратим внимание на то, что номинация зло стоит в однородном ряду со словом хаос, и обе лексемы выражают отрицательную оценку: «*Война и воины ничего кроме зла и хаоса на земле не сотворили, и солдата с ружьем, человека с топором должен заменить труженик с лопатой, с молотком и саженцем в руках*» (Там же).

По отношению к военной литературе Виктор Петрович использует номинацию зло, говоря о том, что именно такая литература породила ложь и зло: «*Наверное, ни одна литература в мире за столь короткий срок не*

породила столько лжи и, соответственно, не произвела столько зла, как наша» (1988 г. (Е.Ф. Светланову)).

В следующем примере номинация *добро* используется 2 раза, что говорит о важности лексемы для этого контекста. «...*работа всех добрых людей, воспитателей, учителей не пропала даром, их терпение и доброта помогали и помогают мне терпеливо относиться к людям, к их слабостям, и помогать людям, и за добро платить добром*» (1982 г. (Старым добрым знакомым из г.Игарки)).

Отметим модусные категории: модальность, которая выражается словом *способен* и временной аспект – *буду делать*, будущее время.

Как уже несколько раз было отмечено в диссертации, для идиостиля В.П. Астафьева характерна ирония, которая отличает все его тексты, как прозу, так и письма. Писатель часто употребляет слова в противоположном значении, меняет положительную оценку, входящую в семантику лексемы, на отрицательную. Номинация *добро* тоже не всегда обозначает положительную оценку. Например, в письме С.В. Викулову, лексема *добро* употребляется автором в кавычках в иронически-негативном смысле. «*Добро*» здесь обозначает неприятный поступок: «*В свое время Марченко такое же “добро” сделал В. Политову, сократив его повесть в сотню страниц до одиннадцати — мастерство невиданное, наглость неслыханная!*» (1978 г. (С.В. Викулову)).

Ближе к 90-ым годам XX века в письмах В.П. Астафьева начинает прослеживаться слияние темы добра и темы Бога. Мы видим, что номинация *добро* стоит в однородном ряду с такими словами, как *красота, сострадание, Бог*. В представленных ниже примерах отражается влияние на автора потусторонней силы в лице Бога, который является главным источником добра: «...*я бы назвал — молитвою пробуждения человеческой души, воскресения того, что заложено в человеке природой и Богом — для*

создания красоты и добра...» (1988 г. (Е.Ф. Светланову)); «*Но пока это не наступило — помогайте мне, <...> в особенности людям несчастным, <...> хорошим, способным на слезы, на стремление к доброму и состраданию»* (Там же).

«Чем я смогу вас отблагодарить — не знаю, но есть Бог — и он за добро умеет воздавать добром, и не обойдет ваши дом его добрый и всемилостивейший взгляд, и он вам везде и всюду помочь будет» (23 января 1991 г. (Л. Черношкуру)).

«Солженицын прежде всего состраданием, сочувствием своему народу и Родине своей помогает нам взять лицо к небу, укрепиться на земле, он, он истинный праведник,зывающий к Богу и доброму» (1995 год (Адресат не установлен)).

Как уже отмечалось, в письмах В.П. Астафьева присутствуют контексты, где употребляются обе номинации: добро и зло. Например, в письме А.М. Абрамову автор рассуждает о русской литературе и о том, почему она так трогает душу человека. В следующем предложении лексемы *добро* и *зло* используются в основном значении: *добро* – ‘что-то хорошее’, а *зло* – ‘плохое’: «*Этоплачут люди о себе, о лучшем в себе, о том, который задуман природой и где-то осуществлен даже, но самим собою подавлен, самим собою побужден ко злу и Малодоступен добру»* (15 октября 1980 г. Красноярск (А.М. Абрамову)).

В следующем письме рассматривается типичная особенность данной оппозиции – борьба добра со злом. Но, по мнению В.П. Астафьева, зло побеждало всегда и победит на этот раз: «*Во что я, грешник, лично на исходе жизни совершенно не верю, ибо видел всю жизнь, как зло неизменно и неуклонно одолевало и одолевает добро. Зло лишь меняет одежды, даже не облик, и прикидывается нагло добром»* (2 июля 1985 г. Овсянка (Ю.Н. Сбитневу)).

Отметим временной аспект предложения: *зло одолевало и одолевает добро*. Употребление глаголов в форме прошедшего и настоящего времени указывает на то, что описанная в высказывании ситуация была и продолжается сейчас.

Как уже было отмечено в предшествующих разделах диссертации, во многих художественных текстах и письмах В.П. Астафьева выражено негативное отношение к советской власти. Например, в письме Василию Юровских автор рассуждает о том, что в стране вырастили мещан, тех мещан, которых низвергли пятьдесят лет назад. По мнению писателя, мещанство уничтожит все доброе, потому что его цель – после себя ничего не оставить: «*И затопит, задушил мещанство, как черной сажей, все разумное, доброе, ибо, как и всякое зло – оно бесстыдно, бессердечно...*» (8 февраля 1973 (В.Юровских)).

Интересно отметить, что это мнение писателя противоположно мнению, представленному в органах официальной советской печати, где говорилось о том, что в Советском государстве создается счастливое будущее.

В рассказе «Вечерние раздумья» автор не скрывает горечи из-за исчезновения крестьянской земли и винит во всем коллективизацию и советскую власть: «*Коллективизация в нашем селе, как и всюду по Руси, смешала добро и зло, перепутала меж собой людей, оголодила* (Вечерние раздумья).

В ходе коллективизации в деревнях произошли колоссальные изменения, которые оценивались деревенскими жителями негативно, как грабеж: «*Когда всю ораву мазовских выгнали на улицу, партийцы начали расстаскивать добро из дома, пилить и колоть дворовые крепкие столбы, отыскивать в них золото*» (Там же).

В письме В.Я. Лакшину автор снова поднимает тематику разрушения России при советской власти, даже характеризуя ее как «империю зла»: «Зачем мы матушку-Россию превратили в “империю зла” или способствовали этому превращению и далее способствуем? (Сентябрь 1988 г. (В.Я. Лакшину)).

«Во всем мире, как к прокаженным отношение, как к проклятью какому-то, презрение, ненависть, проклятьем этим и должно было кончиться самое страшное зло двадцатого века — фашизм и коммунизм» (Мая 1992 г. Красноярск (семье И.Н. Гергеля)).

Даже после перестройки у писателя не было надежды на новое светлое будущее: *«Неужто мы окончательно заматерели и погрязли во зле?»* (5 мая 2000 г. Красноярск. В газету «Вечерний Красноярск»).

В этом вопросе В.П. Астафьева содергится негативная оценка происходящему вокруг, а также боль от невозможности что-то исправить.

Проведенное исследование показало, что в «Последнем поклоне» номинация *добро* чаще всего употребляется во втором значении, обозначая ‘имущество или вещь’: «...значит, ездил когда-то хозяин на северные пущины, на дикую “деньгу”, накупил *добра*, оно и хранится до праздников и до свадеб детей, до “выхода на люди”...» (Монах в новых штанах); «...выкладывает *добро* наверх, мануфактуру мою, на штаны предназначенную, совсем отдельно от всякого *добра* отложила...» (Монах в новых штанах).

В следующем примере автор повествует об игре в бабки, о ней мы говорили ранее. Здесь также используется номинация *добро* в значении ‘имущество’, добро – это драгоценные бабки. Для мальчишек их «Последнего поклона» это настояще сокровище, за которое они готовы бороться: «Хозяин рушился, сгребая под себя свое *добро*, защищая его горячим телом» (Гори, гори ясно).

Таким образом, анализ номинаций *добро* и *зло* в повести «Последний поклон» и в письмах В.П. Астафьева показывает, что эти ценностные лексемы хранят культурную информацию, знания и опыт, накопленные языковой личностью писателя.

Номинация *добро* используется автором чаще всего для обозначения положительной оценки. Добро у автора – это хорошие поступки, слова. В ряде контекстов добро связано с чем-то божественным, в таких случаях добро – это источник красоты и счастья. Также слово *добро* употребляется в значении ‘драгоценная, важная вещь’.

Лексема *зло* выражает негативную оценку. Номинация *зло* используется автором для раскрытия таких тем, как война, политика, уничтожение природы. В своих письмах В.П. Астафьев характеризует фашизм и коммунизм как зло, и это четко отражает его позицию по отношению к советской власти. Писатель находился под влиянием общественно-политических взглядов, распространенных в среде интеллигенции в последние годы существования Советского Союза и способствовавших распаду страны. Вместе с тем в некоторых письмах сам писатель критиковал неправомерные негативные оценки, которые дестабилизируют общество.

Номинации *добро* и *зло* нередко употребляются писателем в одном контексте, что свидетельствует о восприятии мира во всей его сложности и неоднозначности.

В завершение данного раздела отметим, что для идиостиля В.П. Астафьева характерно частое использование единиц, входящих в паремический фонд русского языка, где *добро* – что-то хорошее, а *зло* – плохое, худо, беда.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Исследование абстрактных номинаций в письмах и повести В.П. Астафьева «Последний поклон» показало автобиографичность его произведений. В текстах автора наиболее наполненными лексико-семантическими подмножествами из лексического класса «Связи. Отношения. Зависимость. Модальность. Ценностность» являются подмножества «Условие, основание, причина», «Собственно ценность, значимость, ее критерии» и «Социальная ценность, общественная оценка».

Для понимания особенностей мировидения писателя наиболее значимыми, с нашей точки зрения, являются подклассы «Связи. Отношения. Зависимость», «Модальность» и «Ценностность, ее критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда». Именно поэтому в диссертации наиболее подробно были проанализированы эти подклассы, а также некоторые лексемы, их составляющие: *причина, цель, правда, истина, добро* и зло. Перечисленные номинации являются именами важных для русской ЯКМ и для индивидуально-авторской картины мира В.П. Астафьева концептов.

Исследование лексического подкласса «Связи. Отношения. Зависимость» в письмах В.П. Астафьева и в его книге «Последний поклон» показало, что абстрактные номинации, входящие в этот подкласс, используются в контекстах, выражающих наиболее важные для автора темы: экологии, семьи, литературного творчества, русской культуры, политики, эти лексемы необходимы для формулирования обобщений и выводов. Анализ слов, обозначающих связи, отношения, зависимость, является инструментом выявления семантических доминант индивидуально-авторской картины мира писателя, к которым относятся следующие смыслы: роль бабушки в личной жизни писателя, любовь к родной земле и тревога по поводу экологических проблем, существующих в СССР, уважение к классикам русской литературы

и критика литературных чиновников и советской цензуры. Таким образом, лексемы со значением ‘связи, отношения, зависимость’ являются маркерами наиболее существенных для текста смыслов.

Номинация *причина* связана с прошлым и употребляется в контекстах, репрезентирующих темы политики, войны, бытовых проблем, семейных ценностей, защиты природы, литературы, смерти, игры. Все эти темы затрагивают прошлое В.П. Астафьева, его воспоминания.

Номинация *цель* встречается гораздо реже в проанализированных текстах. Темы, для репрезентации которых употребляется это слово, связаны с представлением о будущем. В.П. Астафьев с любовью рисует в повести «Последний поклон» картины детских шалостей и забав, простые и приземленные цели не только детей, но и взрослых и даже животных. В простой жизни с ее нехитрыми радостями писатель видит наиболее счастливый и органичный идеал человеческого существования на Земле.

Причина часто сопровождается отрицательными коннотациями, а *цель* – положительными.

Абстрактные существительные из лексического подкласса «Модальность» в «Последнем поклоне» и письмах В.П. Астафьева маркируют и репрезентируют важные смыслы его индивидуально-авторской языковой картины мира: отношение автора к окружающей действительности, к жизни в СССР и постсоветской России, отношение к информации, не соответствующей действительности и др. Это отношение во многом негативно, критично. Писатель с болью воспринимает несправедливость государства.

В подклассе «Модальность» выделяется лексема *действительность*, которая входит в контексты с негативной оценкой жизни в стране, писатель страдает из-за существующего положения дел, но не видит возможности исправить ситуацию.

Слова *обман* и *выдумка* в текстах писем и повести «Последний поклон» обозначают несоответствие действительности и связаны с целой шкалой оценок этого несоответствия.

В ходе исследования мы рассмотрели две синонимичные номинации: *правда* и *истина* – и выявили, что лексема *правда* используется автором намного чаще, чем слово *истина*.

Важные темы, в которых употребляется номинация *правда*: жизнь писателя, быт его героев, семья, советская власть, политика, детдом, довоенное время, литература, война.

В «Последнем поклоне» и письмах В.П. Астафьева номинация *правда* часто обладает положительными коннотациями и обозначает нечто божественное, исповедальное. Вместе с тем в контекстах, связанных с военной темой, правда оценивается автором как горькая, такая, которую трудно принять.

Лексема *истина* почти не употребляется автором. В тех примерах, которые мы рассмотрели, наблюдается двойственность этого понятия. С одной стороны, *истина* – это что-то простое, мудрое, а с другой – философское и фундаментальное.

Проведенное исследование показало, что подкласс «Ценностность, ее критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда» более детально представлен в письмах В.П. Астафьева.

Более всего употребление абстрактных лексем, обозначающих ценность и ее критерии, представлено во фрагментах текстов, темой которых является литература. С литературной тематикой связаны следующие номинации: *достоинство, идеал, значимость и важность*, – все они выражают только положительную оценку.

Анализ номинаций *добро* и *зло* показывает, что эти ценностные лексемы хранят культурную информацию, знания и опыт, накопленные языковой личностью писателя.

Номинация *добро* используется автором чаще всего для обозначения положительной оценки. Добро у автора – это хорошие поступки, слова. В ряде контекстов добро связано с чем-то божественным, в таких случаях добро – это источник красоты и счастья. Также слово *добро* употребляется в значении ‘драгоценная, важная вещь’.

Лексема *зло* выражает негативную оценку. Номинация *зло* используется автором для раскрытия таких тем, как война, политика, уничтожение природы. В своих письмах В.П. Астафьев характеризует фашизм и коммунизм как зло, и это четко отражает его позицию по отношению к советской власти. Писатель находился под влиянием общественно-политических взглядов, распространенных в среде интеллигенции в последние годы существования Советского Союза и способствовавших распаду страны. Вместе с тем в некоторых письмах сам писатель критиковал неправомерные негативные оценки, которые дестабилизируют общество.

Номинации *добро* и *зло* нередко употребляются писателем в одном контексте, что свидетельствует о восприятии мира во всей его сложности и неоднозначности.

В завершение главы отметим, что для идиостиля В.П. Астафьева характерно частое использование паремий, в которые входят абстрактные существительные.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследуя вербально-семантический уровень языковой личности писателя, мы рассмотрели индивидуально-авторскую языковую картину мира В.П. Астафьева через семантику абстрактных номинаций. Их анализ показал, что уже с первых шагов в литературном мире, В.П. Астафьев стремился решить важные проблемы общества и донести до читателя ценностные постулаты.

В первой главе были рассмотрены основные особенности ЯЛ писателя, которая представляет собой отражение личности автора, состоящей из психического, социального и этического компонентов, преломленных через его язык и дискурс его текстов.

Во второй главе на основе «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой был проведен семантический анализ абстрактных номинаций в письмах и прозе В.П. Астафьева. Проведенное исследование показало, что в художественном тексте номинации, входящие в лексический класс «Связи. Отношения. Зависимость. Модальность. Ценностность», менее разнообразны, чем в письмах. В сопоставимых по объему текстах количество абстрактных номинаций следующее: в письмах – 325 единиц, в прозе – 454 единицы. Только в подклассе «Связи. Отношения. Зависимость» в прозе абстрактные номинации более частотны, чем в письмах.

Абстрактные номинации в дискурсе ЯЛ В.П. Астафьева репрезентируют ценностную картину мира автора, отражают особенности его мировидения, самосознания. Через анализ семантики абстрактных номинаций выявляются ценностные установки автора, которые важны для понимания его произведений. Абстрактные номинации несут в себе смыслы интеллектуального и духовного опыта носителя языка, мыслительной деятельности, направленной на обобщение знаний об окружающем мире.

Исследование лексических единиц, которые входят в подклассы «Связи. Отношения. Зависимость», «Модальность» и «Ценностность, ее критерии. Добро. Польза. Красота. Зло. Бремя. Преграда» и встречаются в письмах В.П. Астафьева и в его повести «Последний поклон», позволяет сделать следующие выводы об особенностях вербально-семантического уровня языковой личности писателя:

- 1) в текстах В.П. Астафьева преобладает отрицательная оценка описываемых событий и критическое отношение к происходящему, исключение составляют описания детей и животных;
- 2) для идиостиля В.П. Астафьева характерна ирония, переворачивание смысла слов, выражающих положительную оценку или относящихся к высокому стилю;
- 3) для ЯЛ В.П. Астафьева характерно использование паремий, включающих абстрактные номинации;
- 4) писатель старается понять причины негативных событий и показывает цели детей и простых взрослых людей, положительно их оценивая;
- 5) мировидение писателя обусловлено факторами деревенского и детдомовского воспитания, влиянием русской классической литературы, участием в Великой Отечественной войне, а также фактором временного контекста и социального окружения.

Перспектива исследования видится в сопоставлении семантики абстрактных номинаций в текстах В.П. Астафьева и других русских писателей, а также в составлении словаря абстрактной лексики в произведениях В.П. Астафьева.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анохина С.П. Синтаксис культурных концептов Истина и Правда в русском и английском языках [Электронный ресурс]. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksis-kulturnyh-kontseptov-istina-i-pravda-v-russkom-i-angliyskom-yazykah> (дата обращения: 27.05.2021).
2. Арутюнова Н.Д. Символика уединения и единения в текстах Достоевского // Язык и культура. Факты и ценности. М.: Языки славянской культуры, 2001. 525 с.
3. Астафьев В.П. Ответы на вопросы анкеты для киевского сборника «Хомо техно-кратус» // Собр. соч.: В 15 т. Т.12. С. 290-291.
4. Астафьев В. П. Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. Красноярск, 1998. 271 с.
5. Баймуратова А.С. Абстрактные существительные на –ость в русской поэзии XX века: автореф. дис ... канд. филол. наук. М., 2012. 281 с.
6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 495 с.
7. Башкова И.В. Авторская картина мира В. П. Астафьева в семантике слова теплый (к 90-летию со дня рождения писателя) [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskaya-kartina-mira-v-p-astafieva-v-semantike-slova-teplyy-k-90-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-pisatelya> (дата обращения: 06.07.2020).
8. Башкова И.В. Идиоглосса крестьянин в дискурсе В. П. Астафьева [Электронный ресурс]. 2014а. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idioglossa-krestyanin-v-diskurse-v-p-astafieva> (дата обращения: 06.07.2020).
9. Башкова И.В. Лингвокультурный типаж «Турист» в авторской картине мира В. П. Астафьева [Электронный ресурс]. 2014б. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-turist-v-avtorskoy-kartine-mira-v-p-astafieva> (дата обращения: 06.07.2020).
10. Башкова И.В. Региональный компонент авторской картины мира В. П. Астафьева в семантике слов, обозначающих человека [Электронный

ресурс]. 2014в. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionálnyy-komponent-avtorskoy-kartiny-mira-v-p-astafieva-v-semantike-slov-oboznachayuschih-cheloveka> (дата обращения: 06.07.2020).

11. Башкова И.В. Семантика слова баба в дискурсе В. П. Астафьева [Электронный ресурс]. 2014г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-slova-baba-v-diskurse-v-p-astafieva> (дата обращения: 06.07.2020).

12. Башкова И.В. Семантика слова мужик в дискурсе В. П. Астафьева [Электронный ресурс]. 2014д. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-slova-muzhik-v-diskurse-v-p-astafieva> (дата обращения: 06.07.2020).

13. Башкова И.В. Слова большевик и коммунист в дискурсе В. П. Астафьева [Электронный ресурс]. 2014е. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slova-bolshevik-i-kommunist-v-diskurse-v-p-astafieva> (дата обращения: 06.07.2020).

14. Башкова И.В. Слово «Женщина» в дискурсе В. П. Астафьева [Электронный ресурс]. 2014ж. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-zhenschina-v-diskurse-v-p-astafieva> (дата обращения: 06.07.2020).

15. Болотнов А.В. Идиостиль информационно-медийной личности: коммуникативно когнитивные аспекты исследования: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2016. 39 с.

16. Буров С.П. Концептуализация предметности и классификация имён существительных в болгарском языке (в сопоставлении с русским языком)// Российский гуманитарный журнал. 2013. №4, Т. 2. С. 309–322.

17. Бурчинский В.Н., Медведева А.О. Концепты «добро» и «зло» в русской языковой картине мира и в романе Владимира Дудинцева «Белые одежды» [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-dobro-i-zlo-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira-i-v-romane-vladimira-dudintseva-belye-odezhdy> (дата обращения: 07.06.2021).

18. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.:Высшая школа, 1971. 239 с..
19. Гладких Ю.Г., Осипова А. А. Отражение связей между концептами в словаре концептосферы В. П. Астафьева (на примере концептов «Смерть» и «Вода») [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-svyazey-mezhdu-kontseptami-v-slovare-kontseptosfery-v-p-astafieva-na-primere-kontseptov-smert-i-voda> (дата обращения: 05.07.2020).
20. Гладких Ю.Г., Осипова А.А. Взаимосвязь концептов «Жизнь», «Смерть» и «Время» в художественной картине мира В. П. Астафьева (к проблеме отбора материала для словаря ключевых концептов писателя) [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-kontseptov-zhizn-smert-i-vremya-v-hudozhestvennoy-kartine-mira-v-p-astafieva-k-probleme-otbora-materiala-dlya-slovarya> (дата обращения: 05.07.2020).
21. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис Пресс, 2010. 448 с.
22. Грамматика русского языка в 2 т.; под ред. В.В. Виноградова. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1960. Т. 1. 719 с.
23. Еременко А.В. Языковая объективация ценностного компонента концепта «MARRIAGE» в афоризмах американских и британских авторов: сравнительно-сопоставительный аспект: автореф.дис. ... канд.фил.наук: 10.02.20. Владивосток, 2012. 26 с.
24. Железова О.В. Повесть В.П. Астафьева «Последний поклон» в современных литературоведческих исследованиях [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povest-v-p-astafieva-posledniy-poklon-v-sovremennyh-literaturovedcheskih-issledovaniyah> (дата обращения: 26.03.2021).
25. Желтухина М.Р., Михайлушкина О.А. Реализация концепта «Путь» в творчестве В. П. Астафьева (на примере повести «Так хочется

жить») [Электронный ресурс]. 2016. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontsepta-put-v-tvorchestve-v-p-astafieva-na-primere-povesti-tak-hochetsya-zhit> (дата обращения: 06.07.2020).

26. Живаев А.В. Грамматические характеристики репрезентаций концептов правда/истина и truth в художественной и научной речи [Электронный ресурс]. 2012. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/grammatische-harakteristiki-reprezentatsiy-kontseptov-pravda-istina-i-truth-v-hudozhestvennoy-i-nauchnoy-rechi> (дата обращения: 27.05.2021).

27. Жуков Ю. Улица «Правды», 24 // Юность. 1972. № 5. С. 83-86.

28. Зуева Т.А. Концепт «Правда» в русской паремиологии [Электронный ресурс]. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-pravda-v-russkoy-paremiologii> (дата обращения: 27.05.2021).

29. Караполов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

30. Катермина В.В. Языковая личность автора в художественном тексте [Электронный ресурс]. 2016. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-avtora-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 17.08.2020).

31. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986. 298 с.

32. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

33. Колесникова В.В. Художественный концепт «Душа» и его языковая репрезентация (на материале произведений Б. Пастернака): дис ... канд. филол. аунк. Краснодар, 2008. 151 с.

34. Колесов В. В. Причина и цель [Электронный ресурс]. 2013. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/prichina-i-tsel> (дата обращения: 17.06.2021).

35. Комлев Н.Г. Слово, денотация и картина мира // Вопросы философии, 1981. № 11. С. 25-38.

36. Копытов О.Н. Образ автора и авторское начало: разграничение и области применения понятий [Электронный ресурс]. 2010. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-avtora-i-avtorskoe-nachalo-razgranichenie-i-oblasti-primeneniya-ponyatiy> (дата обращения: 13.10.2020).
37. Корниенко Е.Р. Идиолект и идиостиль: к вопросу о соотнесении понятий [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiolekt-i-idiostil-k-voprosu-o-sootnesenii-ponyatiyu> (дата обращения: 17.06.2021).
38. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
39. Лейдерман Н.Л. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы: в 2 т. М.: Изд. центр «Академия», 2003. Т. 2. 413 с.
40. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 285 с.
41. Ма Чуньюй, Чжан Цзяцзюнь Концепт «Правда» (по данным национального корпуса русского языка) [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-pravda-po-dannym-natsionalnogo-korpusa-russkogo-yazyka> (дата обращения: 27.05.2021).
42. Макарова Е.А. Лексическая экспликация художественного концепта "жизнь" в идиостиле В.П. Астафьева // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2017. Т. 3. №4. С. 84–90.
43. Менькова Н.Н. Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2005. 20 с.
44. Миахова А.Н., Галеев Т.И. Оценочные наименования лица женского пола в «женской прозе» (на материале произведений В. Токаревой и Л. Улицкой) // Филология и культура. 2017. № 1(47). С. 62 – 67.
45. Намитокова Р.Ю. Когнитивный анализ абстрактных имён – авторских новообразований в поэтической речи: семантика и сочетаемость //

Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 3 (126). С. 76 – 82.

46. Нестерова О.А. К инструментализации исследования языковой личности: методика психолингвистического анализа [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-instrumentalizatsii-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti-metodika-psiholingvisticheskogo-analiza> (дата обращения: 03.07.2020).

47. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.

48. Новиков Л.А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого. М.: Наука, 1990. 180 с.

49. Осипова А.А. Концепт "Смерть" в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В.П. Астафьева 1980-1990-х гг.: автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2005. 28 с.

50. Осипова А.А. Принципы создания словаря концептосферы В. П. Астафьева [Электронный ресурс]. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsyipy-sozdaniya-slovarya-kontseptosfery-v-p-astafieva> (дата обращения: 05.07.2020).

51. Осипова А.А. Сравнительные конструкции как средство создания языковой игры в романе В. П. Астафьева "прокляты и убиты" (к особенностям вербализации концепта "война") [Электронный ресурс]. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnye-konstruktsii-kak-sredstvo-sozdaniya-yazykovoy-igry-v-romane-v-p-astafieva-proklyaty-i-ubity-k-osobennostyam-verbalizatsii> (дата обращения: 05.07.2020).

52. Осипова А.А. Лозунги как средство вербализации концептов «Война» и «Смерть» в романе В. П. Астафьева «Прокляты и убиты» [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lozungi-kak-sredstvo-verbalizatsii-kontseptov-voyna-i-smert-v-romane-v-p-astafieva-proklyaty-i-ubity> (дата обращения: 05.07.2020).

53. Пахомова М.А. Окказиональные слова и словари окказионализмом // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 3. С. 79 – 87.

54. Пименова М.В. Концепты правда и истина и способы их объективации [Электронный ресурс]. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-pravda-i-istina-i-sposoby-ih-obektivatsii> (дата обращения: 27.05.2021).

55. Ревенко И.В. Интенсивные единицы как средство вербализации концепта "любовь" в военной прозе В. П. Астафьева [Электронный ресурс]. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intensivnye-edinitsy-kak-sredstvo-verbalizatsii-kontsepta-lyubov-v-voennoy-proze-v-p-astafieva> (дата обращения: 05.07.2020).

56. Русский семантический словарь Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. РАН. Ин-т рус.яз.; Под общ. Ред. Н.Ю. Шведовой. М.: «Азбуковник», 1998. Том III. 713 с.

57. Савельева Е.А. Польза как объект действия: интерпретация образной семантики абстрактного слова // Вестник Омского университета. 2010. № 4. С. 212 – 216.

58. Сарсенова А. Паремии в рассказе В.П. Астафьева "без приюта" // Русский язык в XXI веке: исследования молодых: Материалы VI международной научной студенческой конференции, Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2019. С. 178-181.

59. Смирнова А.И. "Эпистолярный дневник" писателя и адресат-современник (В. П. Астафьев "Нет мне ответа. . .") [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/epistolyarnyy-dnevnik-pisatelya-i-adresat-sovremennik-v-p-astafiev-net-mne-otveta> (дата обращения: 25.03.2021).

60. Смирнова Е.Е. Особенности дискурсивного варьирования концепта «Правда» [Электронный ресурс]. 2013. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-diskursivnogo-varirovaniya-kontsepta-pravda> (дата обращения: 03.06.2021).

61. Спорохова Е.А. Синтаксис слов-концептов истина и правда в поэзии В. С. Высоцкого [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintaksis-slov-kontseptov-istina-i-pravda-v-poezii-v-s-vysotskogo> (дата обращения: 27.05.2021).
62. Толковый словарь уголовных жаргонов. М.: Интер-Омис. 1991. 210 с.
63. Успенский В.А. О вещественных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1979. № 11. С. 146 – 152.
64. Фадеева Т.М. Сложный эпитет в художественном пространстве русского языка. М.: Изд-во МГОУ, 2013. 350 с.
65. Фельде О.В. Образная составляющая концепта «жизнь» в индивидуальной языковой картине мира В. П. Астафьева (на материале произведений пермского и вологодского периодов) // Юбилейные Астафьевские чтения «Писатель и его эпоха». 28–30 апреля 2009 г. / отв. ред. А. М. Ковалева; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2009. С. 212 – 220.
66. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Зарубежная лингвистика. III: Пер. с англ., нем., фр. / Общ. ред. В. Ю. Розенцвейга, В. А. Звегинцева, Б. Ю. Городецкого. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. 352 с.
67. Хачмафова, З.Р. Лексико-тематическая группа «чувство» в лексиконе современной женской прозы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 10. С. 82 – 86.
68. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: ЛИБРОКОМ, 1997. 367 с.
69. Шатилова Л.М., Борисова В.В. Сопоставительный анализ концепта «Правда/истина» в русской и французской языковой картине мира

[Электронный ресурс]. 2017. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-kontsepta-pravda-istina-v-russkoy-i-frantsuzskoy-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения: 27.05.2021).

70. Шевчугова Е.И. Архетип бабушки в произведениях И. А. Гончарова, М. Горького и В. П. Астафьева: традиции и авторская интерпретация [Электронный ресурс]. 2018. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/arhetip-babushki-v-proizvedeniyah-i-a-goncharova-m-gorkogo-i-v-p-astafieva-traditsii-i-avtorskaya-interpretatsiya> (дата обращения: 11.04.2021).

71. Шуваева О.Г. Лексико-семантическое поле «Справедливость» в русской ментальности [Электронный ресурс]. 2007. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskoe-pole-spravedlivost-v-russkoy-mentalnosti> (дата обращения: 17.06.2021).

72. Ян Чжэн Ян Чжэн. «Последний поклон» В.П. Астафьева: история создания. Жанр [Электронный ресурс]. 2011. URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/posledniy-poklon-v-p-astafieva-istoriya-sozdaniya-zhanr> (дата обращения: 11.06.2021).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Астафьев В.П. Нет мне ответа. Эпистолярный дневник 1952–2001 сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск: Сапронов, 2009. 720 с.
2. Астафьев В. П. Последний поклон: Повесть в рассказах. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1981. 546 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Абстрактные номинации в текстах В.П. Астафьева

Номинации лиц в письмах		Номинации лиц в повести в рассказах «Последний поклон»			
19. СВЯЗИ. ОТНОШЕНИЯ. ЗАВИСИМОСТЬ					
137. Общие обозначения					
1. Отношение	1. Зависимость				
2. Соотношение	2. Отношение				
3. Взаимоотношение					
138. Соноложенность. Смежность. Причастность. Касательство					
-	1. Прикосновение				
	2. Соприкосновение				
139. Сравнение. Близость. Сходство. Подобие					
1. Сравнение	1. Сравнение				
2. Подобие					
140. Равенство. Тождество. Идентичность. Совпадение					
1. Совпадение	1. Единство				
	2. Совпадение				
142. Противоположность. Противопоставленность. Несовместимость					
1. Противоречие	-				
144. Условие, основание, причина					
1. Причина	1. Доказательство				
2. Повод	2. Причина				
3. Доказательство	3. Объяснение				
4. Гарантия	4. Подтверждение				
5. Основание	5. Оправдание				
6. Оправдание	6. Право				
7. Прощение					
145. Цель					
1. Цель	1. Назначение				
2. Назначение	2. Смысл				
	3. Цель				
	4. Ориентир				
146. Результат, итог, следствие					
1. Действие	1. Достижение				
2. Достижение	2. Действие				
147. Сообразность. Соразмерность. Гармония. Пропорция					
1. Согласие	1. Согласие				
148. Изолированность. Автономность					
1. Самостоятельность	1. Отдельность				
	2. Независимость				
20. МОДАЛЬНОСТЬ					
151. Реальность. Объективность. Истинность					
1. Действительность	1. Правда				
2. Правда	2. Истина				
3. Истина	3. Справедливость				
4. Справедливость					
152. Неизбежность. Неотвратимость					

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Номинации лиц в письмах		Номинации лиц в повести в рассказах «Последний поклон»
1. Неизбежность		1. Необходимость
Номинации лиц в письмах		Номинации лиц в повести в рассказах «Последний поклон»
153. Несомненность. Доказательность. Определённость. Однозначность		
1. Точность	1. Точность	
154. Недостоверность. Бездоказательность. Невозможность		
1. Невозможность	1. Невозможность	
155. Ложь. Домысел. Обман. Ошибка		
1. Выдумка	1. Ошибка	
2. Неправильность	2. Воображение	
3. Обман		
4. Воображение		
157. Иллюзорность. Мнимость. Фикция		
1. Видимость	-	
158. Возможность. Вероятность. Осуществимость		
1. Возможность	-	
159. Обязательность. Готовность. Действенность		
1. Воля	1. Воля	
2. Сила	2. Сила	
3. Способность	3. Ход	
	4. Способность	
	5. Склонность	
	6. Власть	
	7. Свобода	
	8. Неволя	
160. Ожидаемость		
1. Горизонт	-	
2. Перспектива		
161. Неопределенность. Неоднозначность. Проблематичность		
1. Неожиданность	1. Загадочность	
2. Загадочность		
3. Условность		
162. Долженствование. Необходимость. Надобность		
1. Дело	1. Дело	
2. Нужда	2. Нужда	
3. Потребность	3. Должность	
4. Необходимость	4. Потребность	
5. Надобность		
21. ЦЕННОСТНОСТЬ, ЕЁ КРИТЕРИИ. ДОБРО. ПОЛЬЗА. КРАСОТА. ЗЛО. БРЕМЯ. ПРЕГРАДА		
163. Собственно ценностность, значимость, её критерии		

ПРИЛОЖЕНИЕ А (продолжение)

Номинации лиц в письмах	Номинации лиц в повести в рассказах «Последний поклон»
1. Идеал 2. Достоинство 3. Ценность 4. Значение 5. Совершенство 6. Значимость 7. Важность	1. Ценность 2. Значение 3. Достоинство 4. Качество
164. Соотношение по ценности, первенству	
1. Величие 2. Преимущество 3. Превосходство	1. Величие
Номинации лиц в письмах	Номинации лиц в повести в рассказах «Последний поклон»
165. Добро. Польза. Красота	
1. Польза 2. Козырь 3. Красота 4. Толк	1. Толк 2. Добро 3. Интерес 4. Благо 5. Польза
166. Зло. Вред. Утрата. Ущерб	
1. Зло	1. Зло 2. Лишение 3. Вред
167. Бремя. Гнёт. Тягость	
1. Тяжесть	1. Тяжесть 2. Тягость
168. Преграда. Помеха. Трудность. Осложнение	
1. Осложнение	1. Препятствие
169. Социальная ценностность, общественная оценка	
1. Известность 2. Уважение 3. Заслуга 4. Влияние 5. Успех 6. Честь 7. Неуважение	1. Уважение 2. Честь 3. Бесчестье

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯиРК
И.В. Евсеева
«95 июня 2021 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
**ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ В РАЗНЫХ СФЕРАХ РЕЧИ (НА
МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ И ПИСЕМ В.П. АСТАФЬЕВА)**

45.04.01 Филология
45.04.01.01 Русский язык

Магистрант

М.Н.Храмцова - М.Н. Храмцова

Научный руководитель

И.В.Башкова - д-р филол. наук, проф.
И.В. Башкова

Нормоконтролер

Н.С.Севруженко - Н.С. Севруженко

Красноярск 2021

ОТЗЫВ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ
 доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и речевой
 коммуникации ИФиЯК СФУ Башковой Ирины Венадьевны

на магистерскую диссертацию студента направления 45.04.01 Филология, 45.04.01.01
 Русский язык ИФиЯК СФУ Храмцовой Марии Николаевны
 на тему «Вербально-семантический уровень языковой личности писателя в разных
 сферах речи (на материале прозы и писем В.П. Астафьева)

№	Параметры оценивания	Уровни оценивания			
		высокий	средний	низкий	отсутствует
1.	Степень вхождения в проблематику, владение методологией исследования	+			
2.	Способность к самостоятельному анализу, выводам и обобщениям	+			
3.	Филологическая эрудированность и научный стиль изложения		+		
4.	Количество и качество анализа языкового материала / качество анализа литературного материала	+			
5.	Степень оригинальности работы (отсутствие неправомерных заимствований)	+			
6.	Ответственность в отношении к работе	+			
7.	Соблюдение графика выполнения магистерской диссертации	+			
8.	Отсутствие опечаток, орфографических и/или пунктуационных ошибок		+		

Комментарии научного руководителя

За время работы над магистерской диссертацией Мария Николаевна Храмцова проявила себя как ответственный исследователь, способный решать сложные научные задачи.

Новизна работы М.Н. Храмцовой состоит в том, что в ней рассмотрено значение абстрактных номинаций в прозе и письмах В.П. Астафьева с позиций семантической лингвоперсонологии, используются методы лексической семантики и семантического синтаксиса. До сих пор не проводилось комплексного анализа лексического класса «Связи. Отношения. Зависимость. Модальность. Ценностность» в текстах В.П. Астафьева.

Магистерская диссертация выявляет связанные с изучением языковой личности теоретические вопросы, на которые нет однозначных ответов:

1) Как в созданных языковой личностью текстах происходит взаимодействие трех её уровней: вербально-семантического, когнитивного и прагматического, – предложенных в модели Ю.Н. Кацурова? Насколько взаимопроникаемы эти уровни и насколько правомерно отделение их друг от друга?

2) В какой степени исследование языковой личности писателя должно учитывать экстралингвистические факторы ее формирования?

3) Должен ли ученый, изучающий мировидение языковой личности, давать какую-либо оценку идеологическим взглядам, выраженным в исследуемых текстах, если ученый их не разделяет?

Эти непростые теоретические и методологические вопросы заданы не для того, чтобы магистрант ответил на них во время защиты, а для того, чтобы показать сложность выполненного исследования. Эти вопросы открывают новые пути развития лингвоперсонологии. На мой взгляд, то, что диссертация не только дает готовые ответы, но и заставляет задуматься над новыми вопросами, положительно её характеризует.

Я высоко оцениваю работу, проделанную М.Н. Храмцовой.

Итоговая оценка научного руководителя	Отлично
---------------------------------------	---------

Д-р филол. наук, проф. каф.
русского языка и речевой
коммуникации ИФИЯК
СФУ

Башко-

Ирина Венадьевна Башкова

ОТЗЫВ РЕЦЕНЗЕНТА

кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и методики преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В.П.Астафьева Гладилиной Галины Леонидовны

на магистерскую диссертацию студента направления 45.04.01 Филология, 45.04.01.01 Русский язык ИФИЯК СФУ Храмцовой Марии Николаевны

на тему «Вербально-семантический уровень языковой личности писателя в разных сферах речи (на материале прозы и писем В.П.Астафьева)

№	Параметры оценивания	Оценка			
		отлично	хорошо	удовл.	неудовл.
1.	Новизна и актуальность исследования	+			
2.	Лингвистические методы удовлетворяют задачам исследования	+			
3.	Выводы соответствуют поставленной цели исследования	+			
4.	Соответствие теоретической части практическим задачам исследования	+			
5.	Убедительность аргументации и критический анализ	+			
6.	Качество оформления магистерской диссертации и демонстрационных материалов (при наличии)		+		
7.	Объём текстовой части	+			
8.	Количество и оформление библиографических источников (не менее 60 единиц)	+			
9.	Теоретическое значение и практическая ценность работы	+			

Комментарий рецензента

Рецензируемая магистерская диссертация выполнена в рамках семантической лингвоперсонологии – нового развивающегося научного направления. Новизна работы состоит в том, что в ней впервые на основе анализа абстрактной лексики в письмах В.П. Астафьева и его повести в рассказах «Последний поклон» делаются выводы об особенностях языковой личности писателя. Теоретическая значимость исследования связана с его вкладом в лингвоперсонологию.

Взяв за основу классификацию абстрактной лексики в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой, магистрант проводит исследование лексического класса «Связи. Отношения. Зависимость. Модальность. Ценность» в «Последнем поклоне» и письмах В.П. Астафьева, подробно анализирует семантику слов *цель, причина, правда, истина, добро и зло* в указанных текстах и затем дает характеристику вербально-семантического уровня языковой личности писателя.

Абстрактная лексика – это весьма сложный для лингвистического исследования материал, магистрант преодолевает эту сложность и в целом справляется с

поставленными в работе задачами. Выводы, которые сделаны в магистерской диссертации, весьма интересны, а порой и парадоксальны. Например, утверждение о том, что слово *действительность* В.П. Астафьев наделяет отрицательными коннотациями и иронической окраской, это неожиданное утверждение магистрант подтверждает большим количеством примеров.

Заслуживает одобрения скрупулезная работа автора диссертации с письмами В.П. Астафьева: тщательно проанализированные примеры из корпуса текстов, относящихся к разным периодам жизни писателя, делают убедительными выводы о том, что критическое отношение к происходящему в нашей стране было свойственно В.П. Астафьеву на протяжении всей его писательской жизни.

Хочется задать несколько вопросов автору магистерской диссертации:

1. На основании чего делается вывод о том, что мировидение писателя обусловлено факторами временного контекста и социального окружения? Как это утверждение соотносится с вербально-семантическим уровнем языковой личности?
2. Паремии – это часть вербально-семантического или pragматического уровня языковой личности?
3. Относится ли к абстрактной лексике слово *добро* в значении ‘драгоценная, важная вещь’?

Заданные вопросы обусловлены желанием рецензента разобраться в содержании работы и не влияют на ее общую высокую оценку.

Итоговая оценка рецензента	Отлично
-----------------------------------	----------------

Канд. филол. наук, доцент каф. РЯиМП
КГПУ им. В.П. Астафьева
Гладилина Г.Л.

АННОТАЦИЯ

Тема диссертационного исследования – «Вербально-семантический уровень языковой личности писателя (на материале прозы и писем В.П. Астафьева)». Магистерская диссертация представлена в объеме 114 страниц, включает в себя 12 таблиц, 1 приложение, а также список использованной литературы, состоящий из 74 источников.

Ключевые слова: В.П. АСТАФЬЕВ, ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ, СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ, АБСТРАКТНЫЕ НОМИНАЦИИ, ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА.

Цель: рассмотреть фрагмент вербально-семантического уровня языковой личности В.П. Астафьева сквозь призму семантики абстрактных существительных, входящих в лексический класс «Связи. Отношения. Зависимость. Модальность. Ценностность».

Задачи: 1) определить основные подходы к изучению языковой личности в современных лингвистических исследованиях; 2) отобрать корпус номинаций и систематизировать его применительно к теме исследования; 3) проанализировать употребление абстрактных существительных, составляющих лексический класс «Связи. Отношения. Зависимость. Модальность. Ценностность», в письмах В.П. Астафьева и его повести «Последний поклон»; 4) описать различные лингвокультурные и индивидуально-авторские смыслы, реализуемые указанными абстрактными существительными; 5) на основе анализа тем в контекстах с абстрактными номинациями из писем В.П. Астафьева и его книги «Последний поклон» определить факторы, повлиявшие на формирование его мировидения.

Актуальность темы определяется необходимостью дальнейшего исследования проблемы «язык и личность», а также системного изучения вербально-семантического уровня ЯЛ – основного объекта русской семантической персонологии.

Основные выводы и результаты исследования:

1. Особенности ЯЛ писателя представляют собой отражение личности автора, состоящей из психического, социального и этического компонентов, преломленных через его язык и дискурс его текстов.

2. В сопоставимых по объему текстах количество абстрактных номинаций, входящих в лексический класс «Связи. Отношения. Зависимость. Модальность. Ценностность», следующее: в письмах – 325 единиц, в прозе – 454 единицы. Только в подклассе «Связи. Отношения. Зависимость» в прозе абстрактные номинации более частотны, чем в письмах.

3. Анализ абстрактных номинаций позволяет сделать следующие выводы об особенностях вербально-семантического уровня языковой личности писателя а) в текстах писем и «Последнего поклона» преобладает отрицательная оценка описываемых событий и критическое отношение к происходящему; б) для идиостиля В.П. Астафьева характерна ирония, переворачивание смысла слов, выражающих положительную оценку или относящихся к высокому стилю; в) для ЯЛ В.П. Астафьева характерно использование паремий, включающих абстрактные номинации.

4. Мировидение писателя обусловлено факторами деревенского и детдомовского воспитания, влиянием русской классической литературы, участием в Великой Отечественной войне, а также фактором временного контекста и социального окружения.

Перспектива исследования видится в сопоставлении семантики абстрактных номинаций в текстах В.П. Астафьева и других русских писателей, а также в составлении словаря абстрактной лексики в произведениях В.П. Астафьева.